

Александр Широкоград

Друзья и враги России

ИТАЛИЯ

ВРАГ ПОНЕВОЛЕ

Друзья и враги России

Италия. Враг поневоле

«ВЕЧЕ»

2010

УДК 94(100-87)+94(47)
ББК 63.3(4Ита)-6

Италия. Враг поневоле / «ВЕЧЕ», 2010 — (Друзья и враги России)

ISBN 978-5-9533-5024-2

Россия и Италия имеют давние культурные и исторические связи. О них упоминают русские летописи XIII века. В разные века русские послы устанавливали отношения с папским Римом, Пьемонтом, Неаполем, Венецианской и Генуэзской республиками, Великим герцогством Тосканским, а в 1861 году с Королевством Италия... Удивительно, но за последние 300 лет, не имея реальных оснований для конфликтов, наши народы по разным причинам пять раз скрещивали оружие. Один раз – в Италии в 1799 году в ходе Суворовских походов и четыре раза – в России. В 1812 году пьемонтские и неаполитанские войска участвовали в походе Наполеона на Москву. Италия принимала участие в Крымской войне 1854–1855 годов, в интервенции Антанты в 1918–1920 годах и во Второй мировой войне в качестве одного из главных союзников Германии. Предлагаемая читателям книга рассказывает об известной и малоизвестной истории отношений Италии и России.

УДК 94(100-87)+94(47)
ББК 63.3(4Ита)-6

ISBN 978-5-9533-5024-2

, 2010
© ВЕЧЕ, 2010

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	17
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	47
Глава 7	55
Глава 8	59
Глава 9	64
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Италия. Враг поневоле

© Автор-сост. Широкоград А. Б., 2010

© ООО «Издательский дом «Вече», 2010

Глава 1

Италия в раннее Средневековье

После распада Римской империи полновластным правителем Италии в 493 г. становится остготский король Теодорих, а столицей остготского королевства становится город Равенна.

Во времена правления остготов начинается возвышение римских епископов, которых именуют папами, от латинского слова «пара» – отец. Так, папа Геласий I (492–496) объявил статус папы как духовного владыки выше всех светских суверенов. Он считал, что только папа может быть правомочным третейским судьей в территориальных, династических или иных спорах христианских монархов.

Одновременно папы становятся правителями части Центральной Италии – так называемой Папской области. Как писал историк Джонатан Китс: «Неизбежный вопрос об источниках и степени папской власти, о правах и привилегиях папы, отражаемых уже в самих его титулах, неизбежно должен был стать постоянным и сильнодействующим фактором итальянской истории вплоть до сегодняшнего дня».¹

В середине VI века венецианцы изгоняют остготов с Апеннинского полуострова. Однако франки, лангобарды и другие племена постепенно вытесняют византийцев из Северной и Центральной Италии.

Любопытно, что в 643 г. римский папа Мартин I предал анафеме византийского императора Константина II и константинопольского патриарха Павла II. В 654 г. византийский полководец Федор арестовал Мартина I. Папу доставили в Константинополь, где он был приговорен церковным судом к смертной казни.

Константин II заменил смертную казнь на ссылку в места не столь отдаленные... в Крым. 16 сентября 655 г. Мартин I умер в Херсонесе Таврическом.

В 652 г. в Сицилию, которая была провинцией Византийской империи, впервые вторглись арабы, но вскоре были принуждены оставить остров. Около 700 г. арабы захватили остров Пантеллерия, лежащий в 110 км к юго-западу от Сицилии. В VIII веке арабы не менее пятнадцати раз вторгались на Сицилию.

Наконец, в 827 г. арабский полководец Абад ибн Аль-Фурат захватывает южное побережье острова. Однако византийцы отчаянно сопротивляются, и лишь к 965 г. вся Сицилия становится арабской.

Длительное время сарацины (арабы) правили островом Сардиния.

Одновременно арабы нападают на города Апеннинского полуострова. Так, в 840 г. ими взят Таранто, византийцам удалось вернуть себе город лишь в 880 г. Сарацины снова захватили Таранто на короткое время в 882 г., затем опять разграбили город в 922 г. и только в 927 г. надолго захватили Таранто, продав все его население в рабство в Северную Африку. Таранто оставался безлюден до 967 г., когда его заняли византийские войска.

С 847 г. по 871 г. город Бари был под властью сарацин. На окружающих его землях был создан Барийский султанат – небольшое исламское государство с эмиром во главе, номинально подчинявшимся багдадскому халифу.

В 846 г. десант сарацин разрушил часть Рима. Последующие нападения на город заставили папу Иоанна VIII (872–882) призвать на помощь франкского и византийского императоров. Папа жаловался, что сарацины «покрыли землю подобно саранче, и чтобы просто

¹ Китс Дж. История Италии. М.: АСТ: Астрель, 2008. С. 40.

перечислить их преступления, потребовалось бы языков больше, нежели листьев на деревьях».

Следует заметить, что Византийская империя воевала с арабами не только в Италии, но и по всему Средиземноморью от Испании до Сирии. Арабские войска подходили к самому Константинополю.

Для бесконечных войн с арабами империи требовались наемники. Неслучайно практически одновременно с первыми набегами на Италию в византийских источниках появляются сведения о русах. Они упоминаются в качестве наемников византийского императора, а также как разбойники, нападающие на города империи.

Кто же такие русы? Византийцы хорошо знали и славян, и норманнов. То же можно сказать и об арабах. Но и арабские историки и географы IX–X веков пишут о русах – воинах и купцах.

На самом деле русы – это смешанные дружины варягов и славян. Флотилии норманнских судов (драккаров) легко передвигались вдоль северного побережья Европы и грабили по пути местное население, а затем через Гибралтарский пролив попадали в Средиземное море. Это был очень длинный, но сравнительно легкий путь. А вот пройти «из варяг в греки» по русским рекам и волокам гораздо короче, но сделать это с боями было трудно, а, скорее всего, невозможно. Вот и приходилось норманнам ладить с местным населением, особенно в районах волоков. Для славянского населения волок становился промыслом, и жители окрестных поселений углубляли реки, рыли каналы, специально содержали лошадей для волока и др. Естественно, за это норманнам приходилось платить.

По пути «из варяг в греки» к викингам приставали отряды славян, а затем объединенное славяно-норманнское войско шло в Византию или войной, или наниматься на службу к византийскому императору.

Поэтому славяне и называли викингов варягами. Варяг – это искаженное норманнское слово «*Vaeriniar*», а норманны позаимствовали это слово от греческого «*φοισευατοι*», означающего «союзники», а точнее – наемные воины-союзники. Замечу, что среди скандинавских племен не было никаких варягов, и ни один народ Западной Европы не называл так норманнов. Итак, слово «варяг» отражает специфику славяно-норманнских отношений.

Многочисленные отряды русов в IX – X веках воевали и несли караульную службу в Сицилии и на юге Апеннинского полуострова. Так началось общение наших предков с предками современных итальянцев. Известно, например, что отряд русов несколько десятилетий дислоцировался и в городе Бари.

Несколько слов стоит сказать и об экономическом развитии государств Апеннинского полуострова. Для Италии характерно раннее развитие ремесла и торговли, и уже в IX – X веках города из крепостей и епископских резиденций превращаются в торговые и ремесленные центры. Это происходит раньше, чем в других государствах Западной Европы. Под защитой уцелевших со времен Римской империи и заново построенных стен начинают селиться ремесленники, где они объединяются в цеха. Павия, Милан, Кремона и другие города становятся центрами текстильного производства, изготовления ювелирных украшений и оружия.

Торговля играла в жизни итальянских городов важную роль. Причем, хотя местная торговля и была хорошо развита, главное значение в экономическом развитии Италии принадлежало торговле со странами Востока и Западной Европы. Так, в X веке Неаполь, Салерно, Амальфи и Гаэта на юге; Венеция, Генуя и Пиза на севере становятся центрами торговли по Средиземному морю, куда стекаются товары из Византии, стран Леванта и Египта. Ломбардские города – Пиаченца, Падуя, Кремона, Верона, Милан, Брешиа, Болонья, Павия, Парма и др., – лежащие на древних сухопутных дорогах и на берегах крупных рек (в частности, По и ее притоках), ведут активную торговлю с другими европейскими странами. Купцы из

этих городов перевозили товары через Альпийские проходы и через Бреннер в Германию, а через Сен-Бернар – во Францию и Бургундию. Таким образом, государства, расположенные к северу от Альп, получали из Италии восточные товары и итальянские ремесленные изделия.

Глава 2

Истоки вражды Руси и Рима

В VIII–IX веках постепенно рос конфликт между Римом и Константинополем. Так, только одного константинопольского патриарха Фотия римские папы предавали анафеме 12 раз! Фотий пожаловался императору, и тот выставил из Болгарии латинских попов.

Главным теологическим спором между церквями стал догмат об исхождении духа святого. Никейский «Символ веры» утверждал, что дух святой исходит только от Бога-Отца, первого лица троицы. Римская церковь стала настаивать о его исхождении от отца и сына. Это добавление было сделано в 589 г. на третьем Толедском соборе, а затем закреплено при Карле Великом Аахенским синодом в 809 г. Восточная церковь осудила это добавление как ересь. В вину латинянам она также вменяла учение о «благодати», запас которой якобы создавался деяниями святых, что давало возможность западной церкви за счет него отпустить грехи через продажу специальных грамот – индульгенций.

Истории раскола церквей посвящены десятки, если не сотни монографий, изданных в Европе и России в XVIII–XXI веках. К ним я и отсылаю читателей, интересующихся деталями споров пап и патриархов.

На мой взгляд историка – это был спор хозяйствующих субъектов, или, как говорит сатирик Михаил Задорнов: «Всё из-за бабок».

К сожалению, никто из историков не посчитал, какие суммы в VII–X веках взимал со своей паствы в Западной Европе престол святого Петра. Это была и папская десятина, и «динарий св. Петра», оплата различных папских документов, прокурации, то есть сборы в случае проведения папских расследований. Огромные суммы шли за папский арбитраж в спорах монархов и т. д. Наконец, в VIII–XVI веках симония, то есть торговля церковными должностями, была установившейся традицией, скорее даже – неписаным законом. Сохранилась грамота папы от 1345 г., в которой он милостиво освобождает от десятины население Гренландии «из-за терпения ими лишений». К этому времени там оставалось всего несколько человек, но и они вскоре умерли.

Замечу, что сбор налогов папы передоверяли большим банкирским домам Сиенны и Флоренции. Это было удобно престолу святого Петра и позволяло итальянским банкирам сколачивать сказочные состояния.

Любопытный нюанс: почему у католиков celibat, а православные священники перед тем, как получить приход, обязаны жениться. Вспомним грозные постановления московских соборов XVI века – «Вдовым попом не служить». Уверен, что 99 % читателей считают, что сие связано с различием взглядов на мораль и нравственность. Ничуть! Дело опять в деньгах.

В VI–X века в Западной Европе имелись сотни женатых попов, были и женатые епископы. Однако Рим настоял на celibate. Ведь католический епископ как феодал имел куда больше прав и привилегий, чем православный епископ. И если им позволить иметь законных жен, то тогда появились бы и законные дети, которым отцы стремились бы передавать и епископию, и нажитые богатства.

В итоге через поколение или два церковные феодалы мало чем отличались бы от светских и заботились бы более о благах своего рода, нежели об интересах Рима. Понятно, что святой престол подобного допустить не мог. Ну а о морали и сексе попы вспоминали лишь тогда, когда им требовалось скомпрометировать кого-либо.

В X–XX веках при большинстве католических попов, епископов и даже пап постоянно жили хорошенькие служанки, экономки и домоправительницы. Так, в начале 1917 г. папский нунций Эудженио Пачелли в Мюнхене взял себе в экономки монахиню Паскуалину Ленерт,

которая была моложе его на 18 лет. На это он, кстати, получил разрешение папы Бенедикта XV.

Папа Пий XI назначил Пачелли своим статс-секретарем и разрешил ему поселить Паскуалину в своих апартаментах на первом этаже апостолического дворца. Паскуалине разрешалось сопровождать Пачелли даже на конклав, она стала первой женщиной, присутствующей на этом форуме.

После избрания Пачелли папой Паскуалина поселилась вместе с ним в его покоях на третьем этаже апостолического дворца. Сестра Паскуалина опекала папу Пия XII 18 лет, до самой его смерти в 1958 г.²

В XVI веке протестанты утверждали, что в Риме проживает 30 тысяч проституток, обслуживающих клир. Может, они чуть-чуть преувеличивали, ведь перепись путан не производилась, но численность проституток определялась пятизначной цифрой.

Православные же иерархи решили избавить «белое духовенство», то есть тех, кто постоянно общается с населением, от «экономок» и «домоправительниц», и обязало попов жениться. Главное же то, что и в Византии и на Руси церковная власть была под жестким контролем светской власти.

С 1032 г. по 1049 г. в Риме сменилось семь пап: Иоанн XIX, Бенедикт IX, Григорий VI, Сильвестр III, Климент II, Дамас II и Лев IX. Как писал современный западный историк церкви Найджел Которн: «После выборов Иоанна XIX, властью в Риме завладела коррумпированная семья Тускулани. Их владения смотрели на Рим с высот Тускула [древний город в Италии]. Когда в 1032 г. Иоанн XIX умер при чрезвычайно подозрительных обстоятельствах, один из его родственников примерил папское одеяние своему двенадцатилетнему сыну, Теофилакту, и посадил его на папский престол под именем Бенедикт IX (1032–1044; 1045; 1047–1048). Новый папа установил рекорд, дважды возвращаясь к власти. Еще ребенком оказавшись в кресле святого Петра, он «рос, не зная никаких ограничений, умудряясь шокировать скандалами в своей повседневной жизни привыкших к самым невероятным вещам современников».

«Демон из ада в обличье священника занял папский престол», – писал один из современников.

Святой Петр Дамиан сказал: «Этот негодяй с самого начала правления и до конца жизни упивался своей распущенностью».

...В 1044 г. заговорщики, поставившие своей целью спасти Рим от Бенедикта IX, добились успеха. Однако антипапа Сильвестр III (1045), который получил престол при помощи взятка, оказался не самой лучшей альтернативой... Сильвестру удалось прожить в Латеранском дворце всего два месяца – после чего вернулся Бенедикт IX и нашел книгу заклинаний, которую Сильвестр бросил при поспешном бегстве. Антипапа скрылся в Сабинских горах и больше никогда не претендовал на папский престол.

Примерно через два месяца после возвращения Бенедикту наскучило исполнять обязанности папы. Он планировал жениться на своей красивой кузине, дочери Джерарда де Саксо, заявившего, что Бенедикт должен сложить с себя обязанности папы, если хочет получить руку его дочери. В результате Бенедикт продал папский престол своему крестному отцу, Иоанну Грациану, за 1500 фунтов и лепту святого Петра – подарок английской церкви. Грациан стал Григорием VI...

...Однако предполагаемая невеста отвергла Бенедикта. И тогда он «погрузился в самые невероятные наслаждения». Продолжая жить в Латеранском дворце, превратил его в бордель – говорят, лучший в Риме.

² Почему я привел именно этот пример? Ну, во-первых, дабы показать, что в Ватикане с X века мало что изменилось, а во-вторых, поскольку она сестра хорошо описана в книгах нашего резидента. О ней мы еще поговорим.

Как только выяснилось, что Григорий VI купил право называться папой, он его тут же лишился...

...Король Генрих III из Германии посадил на папский престол Климента II (1046–1047) из Баварии, но после беспорядков в Риме Климент вернулся домой в Бамберг. Объясняя свое отсутствие в Риме в папской булле, он говорит о «милой супруге», с которой не может расстаться. В Бамберге его отравили. Кое-кто обвинял в его смерти Бенедикта IX, вновь занявшего Латеранский дворец.

Бенедикт ничуть не изменился. В 1048 г. его навсегда изгнали из Рима, и он умер в неизвестности где-то после 1055 г.

...К счастью, у Генриха III хватало новых кандидатов на папство. Он возвел на престол Дамаса II (1048), который умер, не продержавшись в Латеранском дворце и месяца – вероятно, его тоже отравили. Генрих поставил на его место Льва IX (1049–1054).³

Властный и глубоко верующий константинопольский патриарх Михаил Керуиларий выступил с резкими нападками на римский престол. В ответ папа Лев IX направил в Константинополь кардинала Гумберта. 16 июня 1054 г. кардинал демонстративно положил на алтарь величественного храма Святой Софии папскую грамоту с отлучением от церкви патриарха Михаила.

Гумберт в присутствии императора и его вельмож произнес: «“Кто упорно станет противиться вере святого римского и апостольского престола... да будет анафема, да будет анафема, маранафа,⁴ и да не считается христианином католическим, но еретиком-прозимитом.⁵ Да будет, да будет, да будет!” Наглость папских легатов возбудила против них все население столицы. Только благодаря императору, который уважал в них звание послов, они могли свободно выехать... Патриарх же в заседании “постоянного” своего синода из 12 митрополитов и двух архиепископов, в присутствии и других семи архиереев, находившихся тогда в столице, 20 июля составил соборное определение, которым осудил действия послов папских и составителей отлучительской грамоты предал проклятию, о чем известил и прочих восточных патриархов. В известительной об этом грамоте говорилось, между прочим, что легаты были ложные и действовали без ведома и уполномочия папского. Так как, действительно, пап Лев IX еще с сентября 1053 г. по март 1054 г. находился в Беневенте, как пленник норманнов, затем, освободившись, умер 19 апреля 1054 года, т. е. за два месяца до окончательного разрыва, то не без основания можно заключить, что легаты были исполнителями воли сильной партии кардиналов римских и других недоброжелателей греческой власти в Италии южной и в своих действиях опирались на живших в Греческой империи латинян, о коих и упоминал патриарх».⁶

В конфликт Первого и Второго Римов были вовлечены болгарский епископ и антиохский патриарх. Ну а как насчет русских князей и церкви? По ряду соображений конъюнктурного характера царские, а позже советские историки помалкивали о том, что Русь длительное время была в стороне от войны Рима и Константинополя.

В 1043 г. киевский князь Ярослав объявил войну Византии. Причина этой войны, равно как и предыдущих, была тривиальна – притеснения русские купцов в Константинополе. Однако русский флот, подошедший к Босфору, потерпел поражение в битве с хорошо вооруженным византийским флотом. И в 1046 г. был заключен мир.

Но в 1051 г. отношения с Византией вновь оказались на грани войны. Князь Ярослав делает митрополитом Иллариона – первого русского на киевской кафедре. Константино-

³ Котори Н. Интимная жизнь римских пап. М.: Фирма «Издательство АСТ», 1999. С. 113–118.

⁴ То есть будет отлучен и погибнет в пришествие Господне.

⁵ То есть не приемлющим опресноков и предпочитающим квасной хлеб.

⁶ Тальберг Н. Д. История христианской церкви. Киев: Изд-во им. святителя Льва, папы Римского, 2008. С. 538–539.

польский патриарх отказывается признавать Иллариона. Ведь со времен Владимира Святого и до Ивана III все русские митрополиты утверждались константинопольским патриархом.

Таким образом, в момент окончательного разрыва папы и католического патриарха русская церковь была абсолютно независима от обеих сторон конфликта.

Между тем русские князья и до 1054 г., и как минимум 100 лет после пытались установить дружеские отношения с римскими папами. Так, вдова князя Игоря Ольга, хотя и приняла крещение в Константинополе, по каким-то причинам решила порвать с патриархом и установить связи с Римом. Знаменитый историк церкви А. В. Карташев писал по сему поводу: «Так называемый “Продолжатель Регинона” (половины X века), современник, под 959 г. сообщает: “Пришли к королю (Оттону I Великому), как после оказалось, лживым образом после Елены, королевы Ругов (*Helenae reginae Rugorum*), которая при Константинопольском императоре Романе крестилась в Константинополе, и просили посвятить для этого народа епископа и священников”».

Под 960 г. идет продолжение о том же: “Король праздновал праздник Рождества Христова во Франкфурте, где Либуций из братии монастыря св. Альбана (в Майне) досточтимым епископом Адальдагом посвящен в епископы Ругам”.

Под 961 г. читаем: “Либуций, которого в прошедшем году некоторые дела удержали от путешествия, умер 15-го марта сего года. В преемники ему посвящен Адальберт из братии монастыря св. Максимиана в Трире. Его (Адальберта) благочестивейший государь, с обычным ему милосердием, снабдив щедро всем нужным, отправил с честью к Ругам”.

962 г.: “В этом году возвратился назад Адальберт, поставленный в епископы для Ругов, ибо не преуспел ни в чем том, зачем был послан, и видел все свои старания напрасными. На обратном пути некоторые из его спутников были убиты. А сам он с великим трудом едва спасся”.

Продолжателя Регинона буквально повторяет летописец Саксонский.

Летопись Гильдесгеймская (копия X в.) под 960 г. повествует: “К королю Оттону пришли послы русского народа (*Rusciae gentis*) и просили его, чтобы он послал им одного из своих епископов, который показал бы им путь истины. И говорили, что хотят отстать от своего язычества и принять христианскую веру. Король внял их просьбе и послал по вере католического епископа Адальберта. Но они, как показал исход дела, во всем солгали”.

Эту летопись буквально повторяют, с некоторыми добавлениями: летопись Кведлинбургская (XI в.) и Лабарт Ашаффенбургский (XI в.). Летопись Кведлинбургская после слов “во всем согласии” добавляет: “потому что и сам указанный епископ не избежал смертельной опасности от их коварств”. Летопись Корвейская пишет под 959 г.: “Король Оттон по прошению русской королевы послал к ней Адальберта инока нашей обители, который впоследствии стал первым епископом в Магдебурге”.

Дитмар Межиборский (Мерзебургский, ум. 1018 г.) об Адальберте Магдебургском сообщает, что раньше он был посвящен в предстоятеля Руси – *Rusciae*, но оттуда был изгнан язычниками. В указе императора Оттона о поставлении Адальберта в архиепископы Магдебургские тоже упоминается, что раньше он был назначен и послан в проповедники к Ругам». ⁷

Почему миссия епископа Адальберта закончилась неудачей, наши историки спорят уже два века. Некоторые полагают, что высылка Адальберта и убийство членов его посольства связаны с переворотом в Киеве, в ходе которого княгиня Ольга была отстранена от власти, а ее сын Святослав являлся преданным поклонником Перуна. Это предположение весьма логично, но, увы, бездоказательно. Единственное, что служит косвенным доказательством этой версии, содержится в «Повести временных лет», где «под 6494 (986) г. содержится прямой намек на то, что одним из тех, кто выступил против Адальберта и его людей, был сын

⁷ Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. М.: Наука, 1991. С. 101–102.

княгини Ольги Святослав. Когда к князю Владимиру “придоша немьци от Рима” с предложением принять католичество, он заявил им: “Идите опять, яко отци наши сего не прияли суть”. О каких “отцах” здесь идет речь? Ясно, что об отце Владимира Святославе и об отцах его приближенных». ⁸

Весной 972 г. князь Святослав был убит печенегами при форсировании днепровских порогов. Правителем Руси становится его старший сын Ярополк. В Никоновской летописи говорится: «В лето 6487 (979) г. Прииде печенежский князь Илдея, и би челом Ярополку в службу; Ярополк же прият его, и даде ему грады и власти, и имяше его в чести велице. Того же лета придоша послы от греческаго царя к Ярополку, и взяша мир и любовь с ним, и яшася ему по дань, якоже и отцу его и деду его. Того же лета приидоша послы к Ярополку из Рима от папы». ⁹

Автор Иоакимовской летописи пишет: «Ярополк же бе муж кроткий и милостивый ко всем, любяще христианы, и асче сам не крестися народа ради, но никому не претяше». ¹⁰

Логично предположить, что Ярополк решил пойти по стопам своей бабки и принять «латинскую веру». Однако в 978 г. (по другой версии в 980 г.) Ярополк Святославич был убит варягами, подосланными его младшим братом Владимиром.

Поначалу Владимир Святославич был ярым приверженцем язычества и даже пытался реформировать славянские верования.

В 988 г. Владимир принимает от греков христианство и... русские летописцы замалчивают на целые 27 лет, вплоть до смерти Владимира Красное Солнышко. Нетрудно догадаться, что кому-то очень захотелось скрыть от потомков все происходившие события.

О них мы знаем лишь из зарубежных источников. Так, около 1000 г. Владимир женил своего сына Ярополка на дочери польского короля Болеслава. Вместе с принцессой в Киев прибывает и епископ Кальбера Рейнберн. Наши историки именуют его духовником принцессы, но Титмар Мерзебургский (умерший в 1018 г.) говорит о нем только как о епископе.

В конце 1012 г. или в начале 1013 г. Святополк вместе с женой (дочерью польского короля Болеслава) и епископом Рейнберном Колобрским оказывается в киевской темнице. Подробности ареста туровского князя летописцы до нас не донесли, что дало повод разыграться фантазии историков. Так, Ф. И. Успенский писал: «Епископ колобрежский [Рейнберн], сблизившись со Святополком, начал с ведома Болеслава подстрекать его к восстанию против Владимира... С этим восстанием связывались виды на отторжение России от союза с Востоком [Византией] и восточного православия». ¹¹

В немецкой хронике Титмара Мерзебургского говорится, что Болеслав, узнав о заточении дочери, спешно заключил союз с германским императором и, собрав польско-германское войско, двинулся на Русь. Болеслав взял Киев и освободил Святополка и его жену. При этом Титмар не говорит, на каких условиях был освобожден Святополк. По версии Титмара Святополк остался в Киеве и стал править вместе с отцом. Нам же остается только гадать, был ли Святополк при Владимире советником, или наоборот, Святополк правил страной от имени отца. Известно, по крайней мере, два типа монет, чеканившихся с именем Святополка.

О разразившейся затем длительной гражданской войне на Руси и приходе к власти Ярослава Мудрого я подробно рассказал в книге «Наша великая мифология. Четыре гражданские войны с XI по XX век» (М.: АСТ, 2008). Здесь же нам важен факт присутствия католического епископа в Киеве.

⁸ Рапов О. М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М.: Высшая школа, 1988. С. 184–185.

⁹ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. IX. С. 39.

¹⁰ Цит. по: Татищев В. Н. История Российская. М.: АСТ, 2003. Т. I. С. 111.

¹¹ Успенский Ф. И. Первые славянские монархии на северо-западе. СПб., 1872. С. 257.

А вот еще таинственная история князя Изяслава, сына Ярослава Мудрого. В 1043 г. он женился на Гертруде, сестре польского короля Казимира Восстановителя. После смерти отца в 1054 г. Изяслав становится киевским князем.

В 1068 г. восставшие киевляне изгоняют Изяслава Ярославича. Князь бежит в Польшу к родне жены. В следующем году Изяслав вместе с королем (князем) Болеславом II и польским войском подходит к Киеву. Киевский князь Всеслав Чародей бежит в родной Полоцк, а Изяслав вновь становится князем Киевским.

В 1073 г. братья Всеволод и Святослав Ярославичи выгоняют Изяслава из Киева, и тот по традиции бежит в Польшу. Но на сей раз ляхи не желают воевать из-за него с Русью, а, ограбив князя, «показывают ему путь».

Наш изгнанник прибывает в город Майну (в Верхней Германии) ко двору короля Генриха IV. Тогда же Изяслав отправляет своего сына Ярополка (православное имя Гавриил) в Рим к папе Григорию VII.

Там Ярополк вновь крестится, естественно, по католическому обряду и получает новое имя Петр. Ярополк признает Русь «папским леном», а Григорий VII объявляет его русским королем. Кроме того, папа в апреле 1075 г. отправляет польскому князю Болеславу послание с требованием помощи Изяславу Ярославичу и Ярополку (Петру) Изяславичу.

Суть переговоров Ярополка с папой хорошо изложена в послании Григория VII Изяславу Ярославичу (христианские имя-отчество Дмитрий Георгиевич): «Епископ Григорий, раб рабов божьих, Дмитрию, королю русскому, и королеве, супруге его, шлет привет и апостольское благословение. Ваш сын во время посещения апостольского престола прибыл к нам, и так как он хотел получить королевство как дар св. Петра из наших рук, изъявив св. Петру, главе апостолов, должную верность, то обратился к нам с покорными мольбами, решительно утверждая, что эта его просьба скреплена вашим согласием, и испытывая уверенность в своих исканиях в случае облагодетельствования его милостью и защитой апостольской власти. Мы снизошли к его просьбам и стремлениям, поскольку они казались справедливыми, и, кроме того, как ввиду вашего согласия, так и по причине преданности просителя, и передали ему управление вашим королевством как частью владений св. Петра».¹²

Комментарии, думаю, к этому посланию излишни.

27 декабря 1076 г. главный противник Изяслава Святослав Ярославич умирает, и через несколько месяцев Изяслав с польским войском идет на Киев, где вновь становится великим князем. Ярополк стал туровским, а затем владими́ро-во́лыньским князем.

Ярополк до самой смерти почитал папу римского. Так, в Киеве он построил церковь во имя святого Петра, а на монетах чеканили изображение этого апостола. «Известны также пламенные молитвы за сына его матери к апостолу Петру в так называемом *Liber presunt Gertrudis*, который вместе со знаменитым псалтырем Егберта архиепископа Трирского (конца X века) составляет часть пергаментного кодекса, хранящегося в настоящее время в *Cividale*, в Италии. На двух его миниатюрах Ярополк и его супруга представлены молящимися св. Петру и коронуемыми Спасителем, а его мать Гертруда (на первой из них) – распростертою у ног Апостола».¹³

Самое любопытное, князь Изяслав Ярославич и его сын Ярополк стали русскими святыми. Поначалу оба были «местночтимыми», а в 1831 г. Ярополк (Петр) стал общерусским святым.

¹² Документы о взаимоотношениях папской курии с великим киевским князем Изяславом Ярославичем и польским князем Болеславом II Смелым в 1075 г. Материалы сайта: <http://www.krotov.info/acts/11/3/1075bull.htm>

¹³ Таубе М. А. Рим и Русь в домонгольский период. Материалы сайта: <http://www.krotov.info/history/11/1/taube.html>

Замечу, что в семействе Ярослава Мудрого (общерусский святой с 1831 г.) святых было пруд пруди. Его дочь Анна Ярославна стала женой французского короля Генриха I. А после смерти короля Анна Ярославна в 1062 г. вторично выходит замуж за богатейшего графа Рауля де Крепи и Валуа. Оный граф длительное время воевал с Генрихом I, но, что гораздо хуже, был уже женат. Папа Александр II объявил новый брак незаконным, граф отказался подчиниться, и тогда римский понтифик предал Рауля и Анну анафеме! Зато сын проклятой Анны Симон Раульевич был причислен к лику католических святых.

Можно привести еще множество примеров, когда князья Рюриковичи женились на католичках, выдавали своих дочерей за князей и королей католиков и вообще игнорировали ссору Рима и Константинополя.

Так откуда же взялась почти тысячелетняя вражда Руси и Рима? Дело в том, что папы сделали меч главным оружием в религиозных спорах с православием.

Уже в 1098 г., захватив Антиохию, крестоносцы изгнали престарелого патриарха антиохийского Иоанна и поставили там «латинского патриарха». Все православное духовенство города крестоносцы силой заставили подчиняться своему ставленнику.

«То же было и после взятия крестоносцами Иерусалима (1099 г.); латиняне и здесь поставили своего патриарха. Православный иерусалимский патриарх Симеон, подавший первую мысль об освобождении Святой Земли и гроба Господня, был забыт; он удалился на Кипр и там скоро умер. Хотя православные и выбрали ему преемником Евфимия, но он, не имея возможности устроить свою кафедру в Иерусалиме, проживал все время в Константинополе. Вместе с тем, в завоеванных областях латиняне поставили своих митрополитов и епископов; например, были поставлены митрополиты в Вифлееме, Тире, Кесарии, Назарете и других городах. Все они с подчиненными им епископами были в зависимости от латинского иерусалимского патриарха».¹⁴

Свое подлинное лицо престол св. Петра показал в ходе Четвертого крестового похода, когда вместо борьбы с сарацинами западноевропейские рыцари обрушились на Византию. Подробнее о Четвертом крестовом походе будет рассказано в следующей главе.

На Руси в X – XII веках неизвестно ни одного случая притеснения католиков. В Новгороде, Смоленске и других русских городах у католиков был свой «двор» – квартал, обнесенный стенами. В 1158 г. к полоцкому князю Владимиру прибыл монах-августинец Майнград. Князь разрешил ему проповедовать «слово Божие» среди своих вассалов из племени ливов. Вскоре в устье Западной Двины появились тысячи проповедников с мечами, копьями и арбалетами.

А вот характерное мнение католических иерархов в середине 40-х годов XII века. Краковский епископ Матфей пишет к Бернарду Клервскому (1091–1153), аббату монастыря в Клерво в Бургундии (позже Бернард будет объявлен святым): «Народ же русский, неисчислимый и многочисленностью подобный звездам, не блюдет правил православной (orthodoxa) [то есть католической] веры и установлений истиной религии. Не разумея, что вне католической церкви нет места для подлинного богослужения, он, как известно, позорно заблуждается не только в богослужении Тела Господня, но и в расторжении браков и перекрещивании [супругов], а также и других церковных таинствах. От самого начала своего крещения преисполненный всевозможными заблуждениями, а вернее сказать – еретическим нечестием, он исповедует Христа разве что по имени, делами же совершенно отвергает. Ведь не желая быть в согласии ни с Латинской, ни с Греческой церковью и отделившись от обеих, названный народ не причастен к принятию таинств ни по тому, ни по другому [обряду]». В итоге

¹⁴ Тальберг Н. Д. История христианской церкви. С. 543–544.

епископ Матфей призывает Бернарда лично явиться, чтобы своей «проповедью, что пронзает лучше меча обоюдоострого, истребить» ересь «на Руси, которая – словно другой мир».¹⁵

Вроде бы пока речь идет о проповедях, но не будем забывать, что именно Бернард был одним из главных вдохновителей Второго крестового похода 1147 г.

Римские папы с конца XII века периодически рассылают буллы (послания, обязательные к исполнению всеми католиками) с призывами к торговой блокаде Руси. Так, например, папа Григорий IX в январе 1229 г. отправил буллу к властям Рима с требованием прекратить торговлю с русскими оружием, лошадьми, кораблями, продовольствием и т. д. А в послании Григория IX Ливонскому ордену (1232 г.) рыцари призывались на борьбу с русскими, которых папа прямо именовал «врагами веры».

Итак, именно Рим развязал тысячелетнюю войну против Руси. При этом разница в обрядах католиков и православных и их догматы всегда были лишь поводом. Вспомним, что папы без особых проблем разрешали униатам сохранять свои обряды, главным было одно – признавай власть папы и плати, плати и плати!

Греческий архимандрит Кирилл Костопулос писал: «Сам папа Григорий IX, обращаясь в письме к Иоанну Кантакузино, признает, что раскол произошел из-за отказа Византийцев признать папский примат (власти)...»

Церкви Христовой противно властолюбие, поскольку ее Глава – Богочеловек Господь Иисус Христос, смиливший Себя ради спасения и освобождения падшего человека.

Святой Иоанн Златоуст отмечает властолюбие как причину разделения тела Церкви. Он говорит со свойственной ему проницательностью: «Таким образом, ничто не может так разделить Церковь как властолюбие». И для всех является фактом, что все доныне совершенные попытки соединить Запад и Восток остались безрезультатными, потому что епископы Рима всегда пребывали непреклонными в вопросе примата власти Римского Понтифика...

Василий Великий презрел скрытую (экклесиологическую) ориентацию Рима, поэтому говорил о высокомерной западной брови (здесь подразумевается надменность).

Плод времени «высокомерная западная бровь» устремилась поставить под свой контроль любую форму Церковной жизни. Спасение людей, согласно Папскому богословию, становится невозможным без преданности и полного послушания папе!».¹⁶

¹⁵ Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой. М.: Логос, 2003. С. 388.

¹⁶ Костопулос К. Папство – это ересь. М.: Пробел-2000, 2001. С. 52–53.

Глава 3

Как Черное море стало «Итальянским озером»

В 1095 г. в Клермоне в Средней Франции папа Урбан II выступил перед огромной толпой верующих с призывом начать священную войну против мусульман и отнять у них «гроб Господень». При этом мудрый папа не забыл упомянуть о богатой добыче, ожидавшей на Востоке «освободителей». Призыв папы нашел широкий отклик среди населения. Урбана II встречали криками «Бог так хочет!» и нашивали на одежду кресты из красной материи («принимали крест»), тем самым обязываясь идти в поход.

Крестоносцы получили от церкви большое количество льгот. Так, их имущество и семьи на время их отсутствия находились под охраной церкви. Тот, кто «принял крест», освобождался от уплаты долгов на все время пребывания в крестовом походе. Так что многие «принимали крест» только для того, чтобы не платить долгов, в то время как свое участие в походе откладывали на неопределенное время. Крепостные, отправлявшиеся в поход, становились свободными.

По всем западноевропейским государствам разъехались проповедники крестовых походов. Сделано это было по указанию папы. И уже к 1096 г. многочисленное войско крестоносцев двинулось в путь.

Так началась эпоха крестовых походов, продолжавшаяся с 1096 по 1270 г. Без преувеличения можно сказать, что крестовые походы кардинально изменили жизнь Западной Европы. С Востока поступала огромная добыча, еще большую роль играли культурные ценности Востока, его наука и техника. Между прочим, именно крестовым походам Западная Европа обязана появлением новым сельхозкультурам – гречихе, рису, кунжуту, абрикосам, арбузам, лимонам, фисташкам. В Европе появляется сахар, добываемый из сахарного тростника. Есть теория, что именно в Сирии европейцы позаимствовали ветряные мельницы.

Восточная техника оказала огромное влияние на текстильную промышленность и обработку металлов. Название тканей «дамаск», «муслин» и др., которые начали производить в западноевропейских странах, носят чисто восточный характер и указывают на свое восточное происхождение.

Текстильная промышленность Запада сильно зависела от ввозимых с Востока товаров – шелка, хлопка, некоторых красителей и квасцов, применяемых для закрепления красок. Такие предметы вооружения, как арбалет, труба, барабан, также были заимствованы на Востоке.

Ближнему Востоку крестовые походы принесли лишь смерть миллионов людей и тотальную разруху. Имя христиан-европейцев, «франков», стало ненавистным и презираемым на всем Востоке.

Участие итальянских рыцарей в крестовых походах было минимальным. Зато итальянские города-республики – Генуя, Венеция и Пиза – обеспечивали перевозку крестоносцев морем и их снабжение продовольствием и оружием. Крестовые походы стали буквально «манной небесной» для итальянских купцов, к концу XIII века подчинивших себе почти всю средиземноморскую торговлю.

В истории русско-итальянских отношений важное место занимает Четвертый крестовых поход.

В 2001 г., в первую неделю Великого поста, шесть рыцарей под предводительством маршала Шампани Жоффруа де Виллардуэна прибыли в Венецию. На заседании Большого совета они изложили свою просьбу и через 8 дней получили ответ. Республика Венеция обязалась предоставить на один год суда для перевозки 4500 рыцарей и столько же коней, 9000

оруженосцев и 20 тысяч пеших воинов вместе с оружием и снаряжением, а также продовольствие, которым она обязалась снабжать войска в течение 9 месяцев. Цена этого составляла 84 тыс. серебряных марок.¹⁷

Помимо этого, Венеция обязалась на свои средства снарядить на годичный срок 50 полностью экипированных галер при условии, что она получит половину всех завоеванных территорий.

Первоначальной целью Четвертого похода был Египет. Однако, как и следовало ожидать, запрошенной венецианцами суммы у рыцарей не оказалось. Тогда дож Венеции Энрико Дандоло предложил руководителям крестового похода в качестве компенсации ограбить город Зара на побережье Адриатического моря и расплатиться частью добычи. К тому же Зара была торговым конкурентом Венеции. Ну а то, что Зара была населена христианами и являлась владениями венгерского короля, никого не смутило.

8 ноября 1202 г. крестоносцы отплыли из Венеции, направляясь в Четвертый крестовый поход, – 480 кораблей, возглавляемые галерой самого дожа, «окрашенной в алый цвет, с шелковым тентом того же цвета, под стук кимвал, под пение четырех серебряных труб».

Перед отплытием Дандоло произнес патетическую речь: «Синьоры! отныне вы соединились с самыми достойными людьми на свете и ради самого высокого дела, которое кем-либо и когда-нибудь предпринималось!».¹⁸

24 ноября Зара была взята и разграблена, большая часть жителей перебита или продана в рабство. «Между венецианцами и франками почти немедленно развязалась драка за добычу, что вряд ли предвещало благополучный исход экспедиции, тем не менее мир был восстановлен, и две группы зазимовали в разных частях города».¹⁹

Ну а далее крестоносцы решили освободить не гроб Господень от арабов, а жителей Константинополя от их имущества. Самое любопытное, что о замысле крестоносцев знал папа Иннокентий III, благословивший рыцарей на сей «подвиг».

12–13 апреля 1204 г. крестоносцы овладели столицей Византии и подвергли ее неслыханному разграблению.

Весть о трагедии Царьграда вызвала всеобщее возмущение на Руси. Это нашло отражение в известном древнерусском произведении «Повесть о взятии Цареграда крестоносцами». Имя автора повести до нас не дошло, но, несомненно, он получил информацию от участников событий, если не сам был очевидцем. Автор обличает бесчинства крестоносцев, которых именует фрягами: «А на утро, с восходом солнца, ворвались фряги в святую Софию, и ободрали двери и разбили их, и амвон, весь окованный серебром, и двенадцать столпов серебряных и четыре киотных; и тягло разрубили, и двенадцать крестов, находившихся над алтарем, а между ними – шишки, словно деревья, выше человеческого роста, и стену алтарную между столпами, и все это было серебряное. И ободрали дивный жертвенник, сорвали с него драгоценные камни и жемчуг, а сам неведомо куда дели. И похитили сорок сосудов больших, что стояли перед алтарем, и паникадила, и светильники серебряные, которых нам и не перечислить, и бесценные праздничные сосуды. И служебное Евангелие, и кресты честные, и иконы бесценные – все ободрали. И под трапезой нашли тайник, а в нем до сорока бочонков чистого золота, а на полатах и в стенах и в сосудохранильнице – не счесть сколько золота, и серебра, и драгоценных сосудов. Это все рассказал я об одной лишь святой Софии, но и святую Богородицу, что на Влахерне, куда святой дух нисходил каждую пятницу, и ту всю разграбили. И другие церкви; и не может человек их перечислить, ибо нет им числа. Одигитрию же дивную, которая ходила по городу, святую богородицу, спас бог руками доб-

¹⁷ Следует заметить, что в то время марка была не монетой, а мерой веса, и в разных регионах была различной.

¹⁸ Цит. по: *Норвич Дж.* История Венецианской республики. М.: АСТ, 2009. С. 179.

¹⁹ Цит. по: *Норвич Дж.* История Венецианской республики. М.: АСТ, 2009. С. 180.

рых людей, и цела она и ныне, на нее и надежды наши. А прочие церкви в городе и вне города и монастыри в городе и вне города все разграбили, и не можем ни их перечесть, ни рассказать о красоте их. Монахов и монахинь и попов обокрали, и некоторых из них поубивали, а оставшихся греков и варягов изгнали из города».²⁰

А вот что писал очевидец грек Никита Хониат: «Тому же, что за богохульство творили они в Великой церкви [храм Святой Софии] трудно поверить. Алтарный престол, сложенный из драгоценных материалов, необыкновенный и вызывавший удивление у всех народов, был разбит и разделен на части между грабителями... Они ввели в храм лошадей и мулов, чтобы вывезти оттуда священные сосуды, а также серебро и золото, вырванное из трона, кафедры, дверей и мебели. Когда животные скользили по гладкому полу и падали, они закалывали их мечами, оскверняя храм их кровью и пометом.

На патриаршем престоле проститутки распевали песни, оскорбляющие Иисуса Христа, отплясывали в святом месте непристойные танцы... честных женщин и даже монахинь насиловали в храме».²¹

После трехдневной резни в Константинополе союзники приступили к дележу добычи. Венецианцы получили 37 % награбленного, плюс крестоносцы заплатили Дандоло 50 тысяч серебряных марок, которые задолжали республике. Уладив эти формальности, обе стороны занялись выбором императора. В конце концов, избрали Балдуина, графа Фландрского. 16 мая 1204 г. он был коронован в храме Святой Софии. Новое государство назвали Латинской империей. Патриархом в ней стал венецианец Томазо Морозини. При этом никого не смущало, что он не был посвящен в духовный сан. Морозини сразу же сделали дьяконом, через две недели – священником, на следующее утро – епископом, а затем уже и патриархом.

В итоге на Балканах образовались четыре важнейших «латинских» государства: Латинская империя со столицей в Константинополе, Фессалоникийское королевство, Ахейское княжество (в Пелопоннесе) и Афинско-Фиванское герцогство. Каждое из них в свою очередь делилось на ряд графств и сеньорий.

Дандоло добился для Венеции права на «три восьмых Византийской империи». Таким образом, Венецианская республика получила часть Константинополя, Ионические острова, часть Кикладских и Sporadских островов, юго-западную часть Пелопоннеса, Галлиполи и некоторые земли в Албании. Вскоре византийцы получили еще и Крит.

Надо ли говорить, что 13 апреля 2004 г. в Константинополе был разгромлен и русский торговый квартал (святого Маманта).

После 1204 г. исчезают всякие сведения о движении русских судов в Черном море и присутствии русских купцов в Константинополе. Кстати, Черным море называли турки в 1453 г., а с IX века арабы звали Русским морем. После 1204 г. Русское море стало итальянским. А о том, какое значение придавали ему венецианцы и генуэзцы, говорит то, что они называли Черное море «Великим морем».

Прерыванием торговли Византии с Русью воспользовались итальянские купцы. И уже в 1247 г. путешественник и посол Плано Карпини находит в Киеве трех венецианских и двух генуэзских купцов.

Князья Рюриковичи не признавали ни Латинской империи, ни «латинских патриархов». Русские считали законным властителем Царьграда императора Никейской империи (основанной в Малой Азии). Русские же митрополиты продолжали подчиняться константинопольскому патриарху, жившему в Никее.

Следует заметить, что первыми итальянцами, проникшими в Черное море, были не венецианцы, а генуэзцы. Республика Генуя еще в середине XII века заключала договор с

²⁰ Изборник (Сборник произведений литературы древней Руси). М.: Художественная литература, 1969. С. 287.

²¹ Цит. по: Норвич Дж. История Венецианской республики. С. 191–192.

Византийской империей, по которому генуэзские купцы свободно плавали по Понтийскому (Русскому) морю. После 1204 г. проход в Черное море для генуэзских судов был временно закрыт. Венецианские купцы беспошлинно торговали в Константинополе, а генуэзцев, да и то с большими ограничениями, венецианцы допустили в Черное море лишь по договору 1218 г.

Чтобы сломить могущество венецианцев на Черном море, генуэзцы в 1261 г. вступили в союз с императором Никейской империи Михаилом Палеологом. В июне 1261 г. войска Михаила Палеолога с помощью генуэзцев овладели Константинополем. Латинской империи крестоносцев пришел конец. Была формально восстановлена Византийская империя, а Михаил Палеолог стал основателем последней династии Второго Рима.

Венеция крайне нуждалась в «Великом море», и уже в 1265 г. ее послы прибыли в Константинополь с просьбой допустить военные корабли в Черное море. В 1268 г. в Венеции разразился голод. Срочно понадобилось много зерна и рыбы. И тогда император Михаил в качестве противовеса генуэзцам допустил в Черноморье венецианцев.

В 1294–1299 гг. на Черном море велась полномасштабная генуэзско-венецианская война. В 1295 г. генуэзцы в виду Константинополя разгромили венецианскую эскадру. Однако в следующем году сорок венецианских галер под командованием адмирала Морозини прорвались через Дарданеллы, взяли штурмом и сожгли Галату (генуэзский квартал Константинополя). Затем Морозини с несколькими сотнями пленных генуэзцев вернулся в родную лагуну.

В том же 1296 г. другая венецианская эскадра под командованием Джованни Соранцо прошла проливы и напала на главную базу генуэзцев в Крыму – город Каффу (Кафа, ныне Феодосия). Венецианцы сожгли стоявший в гавани генуэзский флот и разрушили многие здания в самом городе. Однако зимовать в Каффе Соранцо не решился и в октябре отправился восвояси.

Тотальная война шла не только в Черном море и Проливах, но и по всему Средиземному морю.

Так, в 1298 г. венецианец Доменико Скьяво, до этого отличившийся при нападении на Каффу, проник во внутреннюю гавань Генуи с тремя галерами, захватил, по крайней мере, часть города и перед уходом, в качестве последнего оскорбления, отчеканил в Генуе несколько венецианских монет.

Наконец, в 1299 г. обе республики заключили компромиссный мирный договор. Интересны условия этого договора, иллюстрирующие отсутствие существенных различий в действиях военных флотов государств и банальным пиратством. Обе стороны посчитали недостаточным заявить о взаимном ненападении. Каждый венецианский капитан был обязан лично поклясться в том, что не станет атаковать любое генуэзское судно, и наоборот.

После этого свыше сорока лет Венеция и Генуя находились в состоянии мира, хотя отношения были достаточно натянутыми.

В 1344 г. генуэзские и венецианские фактории в Причерноморье подверглись нападению крымских татар, и суда обеих республик были обязаны защищать свои города. Дож Генуи Симон Бокканегра (герой оперы Верди) отправил в Венецию посольство с предложением совместно бойкотировать татарские товары. Но татары, когда не грабили сами, были самыми выгодными торговыми партнерами, так что соглашение между партнерами было обречено на неудачу с самого начала.

Вскоре возник повод для войны. Генуэзские власти в Трапезунде запретили венецианцам укреплять стены своего квартала. В ответ на жалобы венецианских купцов им отвечали, что Трапезунд – сфера влияния Генуи и что венецианские купцы находятся как там, так и по всему побережью Черного моря только благодаря терпению и милости Генуи. Это было прямым вызовом всей законной торговле Венеции в этом регионе. Война была неизбежна.

Но случившееся бедствие, по сравнению с которым все проблемы венецианской торговли ушли на второй план, не дало ей развязаться.

Среди прочих грузов, регулярно вывозимых венецианскими и генуэзскими купцами из Крыма в начале 1348 г., оказались и крысы, принесшие в Европу «черную смерть». К концу марта 1348 г. в Венеции уже всюду бушевала чума, а летом, когда жара усилилась, за день в городе умирало по 600 человек.

Не меньше от чумы страдали жители Флоренции, Пизы и Генуи.

Тем не менее в 1350 г. генуэзцы внезапно, без всякого повода, захватили несколько венецианских судов, стоявших на якоре в порту Каффы. Посольство, отправленное дожем Дандоло в Геную с протестом и требованием компенсации, подверглось оскорблениям.

6 августа 1350 г. венецианский Сенат объявил войну Генуе. 35 галер под началом Марко Рудзини двинулись в Эгейское, Мраморное и Черное моря. Блокировав подходы к Босфору, венецианские корабли захватывали генуэзские галеры, шедшие из Азовского моря, Каффы и Херсонеса. В начале 1352 г. венецианские корсары атаковали и сожгли генуэзские суда, стоявшие на рейде Трапезунда.

На сей раз Венеции согласились помогать король Педро Араганский и даже византийский император Иоанн VI. Дело в том, что в генуэзском квартале Галата товарооборот был в семь раз больше, чем во всем Константинополе. Иоанн предложил дожу в случае победы разрушить Галату до основания.

Решающее сражение произошло 13 февраля 1352 г. у входа в Босфор под стенами Галаты. Венецианской эскадрой командовал Николо Пизани, а генуэзской – Паганино Дориа. Сражение шло до глубокой ночи при свете десятков горящих кораблей. Наконец венецианцы, против которых были и ветер, и течение, отступили. Они потеряли большую часть своих галер и около полутора тысяч солдат и матросов. Однако утром Паганино увидел, что его потери не меньше, чем у венецианцев.

Император Иоанн VI был вынужден подписать сепаратный мир с Генуей, по которому генуэзцам разрешалось расширить свои владения в Галате и запрещалась торговля в Азовском море всем, включая и местных греков.

1 июня 1355 г. Венеция и Генуя подписали мирный договор, согласно которому каждая республика, помимо прочих, менее важных обязательств, обещала не вторгаться в воды другой и в спорную акваторию Азовского моря в течение трех лет. Каждая из сторон вносила в залог соблюдения этих обязательств 100 тысяч золотых флоринов, которые передавались на хранение независимой стороне.

В марте 1376 г. большая венецианская эскадра под командованием генерал-капитана Марко Джустиниани появилась перед Константинополем. Флот пришел с ультиматумом: если император Иоанн V²² хочет жить с Венецией в мире еще пять лет, то он должен погасить свои основные долги и отдать в залог остров Тенедос.

Замечу, что, владея островом Тенедосом, венецианцы могли контролировать вход в Дарданеллы.

Одного вида венецианского флота у самого входа в бухту Золотой Рог оказалось достаточно, чтобы Иоанн Палеолог согласился на все. Он расплатился и отдал Тенедос на указанных условиях, попросив только разрешения вывешивать на острове знамя Византийской империи наравне со знаменем Святого Марка и сохранить там влияние православной церкви под властью византийского патриарха.

Но вскоре в Царьграде произошел очередной дворцовый переворот, Иоанн V был свергнут и отправлен в темницу, а на трон взошел его сын Андроник, который решил передать Тенедос генуэзцам. В итоге началась новая война между республиками. В ней боевые

²² В результате сложных придворных интриг в Византии императора Иоанна VI сменил император Иоанн V.

действия происходили уже не в Черном, Мраморном или даже Белом (так турки называли Эгейское море) море, а в Тирренском, Адриатическом морях и даже в Венецианской лагуне.

Рассказ об этом весьма драматичном конфликте выходит за рамки нашего повествования, и я сразу перейду к миру, заключенному в августе 1381 г. в Турине. Хотя Венеция и вышла победительницей в войне, она потеряла Далмацию и Тенедос. Их захватил австрийский герцог Амадей VI Савойский.

После войны Генуя стала приходить в упадок. Ее система правления начала рушиться. Республику раздирали на части борьба фракций. За 5 лет в Генуе сменилось 10 дожей, а затем она на полтора века попала под французское владычество. И только в 1528 г. под предводительством Андреа Дориа Генуя смогла вернуть себе независимость.

Следует заметить, что помимо международных войн обеим республикам на Черном море приходилось бороться с пиратами.

Так, в 1374 г. любопытную пиратскую экспедицию предпринял генуэзец Лючино Тариги, проживавший в Каффе. Собрав отряд авантюристов, он с одной вооруженной галерой прошел Керченским проливом в Азовское море, затем поднялся по Дону до волока, соединявшего Дон с Волгой, и стал спускаться по ней к Каспийскому морю, грабя все встречные торговые суда. Обратный отряд Тариги пробирался в основном по суше. Часть богатой добычи у итальянцев отбили грабители, но кое-что Тариги все же довез до Каффы. Описание этой удивительной экспедиции содержится в «Дневнике Антония», хранящейся в Публичной библиотеке Генуи.

В 1361 г. воссозданный корсарский флот Синопа снова напал на Каффу, причинив генуэзским купцам значительный материальный ущерб. Чтобы отомстить туркам, генуэзцы снарядили в Каффе и Пере боевые галеры и, настигнув синопскую эскадру, разгромили ее.

Из генуэзских документов середины XV века известно, что в 1437 г. в трапезундском порту Ло Вати был ограблен большой торговый корабль с рабами и ценным грузом, принадлежавшим Филиппе ди Мелоде. Патроном корабля был купец из Каффы Мервальдо Спинола. В одной из петиций говорилось: «Джероламо ди Негро, посланный трапезундским императором с вооруженными галеей и наветой [купеческие суда – *А. III.*], неожиданно и по-пиратски напал на корабль и захватил Мервальдо Спинола со всеми товарами. Товары были разгружены, а Мервальдо Спинола брошен в карцер, корабль же его находился во власти императора или его доверенных лиц. Затем, натолкнувшись на скалу, он разбился и затонул. Узнав об этом насилии, Филиппе ди Мелоде обратился к консулу Каффы и добился от него, чтобы императору были написаны письма с требованием восстановления правосудия. Филиппе отправился в Трапезунд и представил императору эти письма, однако тот их не прочитал...»

Чтобы возместить убытки от потери корабля и груза, его владельцы подали дожу и Совету старейшин Генуи петицию, в которой просили предоставить им корсарский патент для действий «против императора и его подданных на море и суше».

В 1444 г. через Проливы в Черное море вошли корсарские корабли герцога Бургундского. Капитанами кораблей были Валеран Ваврэн и Джакомо Билья, общее же руководство экспедицией осуществлял рыцарь Жоффруа де Туаси. В 1445 г. бургундцы совершили пиратский налет на Вати (нынешний Батум), но потерпели поражение, а Жоффруа де Туаси стал пленником князя Гурии и был отпущен на свободу лишь по настоянию трапезундского императора Иоанна IV. Большой урон бургундской флотилии нанесли и генуэзцы Каффы. В 1450 г. Ваврэн и Билья требовали от дожа и Совета старейшин Генуи «компенсировать ущерб, нанесенный им в Каффе во время экспедиции их флота в Черное море». Судя по всему, пиратством на Черном море занимались и жители «Великого луга», то есть запорожцы. Другой вопрос, что их тогда не называли запорожцами. А может, и называли? Так, А.

В. Стороженко²³ упоминает о греческой надписи, найденной в Судак (Сугдейская приписка в греческом Синаксаре): «В тот же день (17 мая 1308 г.) скончался раб Божий Альмальчу, сын Самака, увы, молодой человек, заколотый казаками». Тут нам остается лишь гадать, где убили бедолагу Альмальчу – на суше или на море, и был ли тот казак татарин или русским.

В моей книге «Запорожцы – русские рыцари» (М.: АСТ, 2008) показана несостоятельность официальной версии, что-де население за порогами Днепра появилось в XVI–XVII веках и состояло из крепостных крестьян, бежавших от произвола помещиков. На самом деле жизнь в плавнях за порогами была всегда и даже не прерывалась Батыевым нашествием. Так что русские люди уже в XIII–XV веках ходили на абордаж итальянских судов.

Несколько слов стоит сказать и об отношениях итальянских городов-колоний с золотордынскими ханами. Замечу, что не всегда и не все татары были дикими кочевниками.

Уже к концу XIII века на территории Золотой Орды были выстроены десятки огромных цветущих городов. Эти города были в основном административно-торговыми центрами. В каждом из них функционировали и сотни различных ремесленных мастерских. Однако именно торговля способствовала процветанию приволжских городов.

Ханы Золотой Орды, как, впрочем, и другие монгольские ханы, поощряли торговлю и старались обезопасить водные и караванные пути. Так, итальянец Пеголотти утверждал: «Путь из Таны²⁴ в Китай вполне безопасен и днем, и ночью; только если купец по дороге туда и обратно умрет, то все его имущество передают государю страны, в которой он умер, и будет взято его чиновниками..., но если вместе с ним там окажется его брат или близкий друг, который скажет, что он брат умершего, то ему и будет отдано имущество умершего, и оно, таким образом, будет сохранено».

С Волги товары шли или караванным путем в Китай и Среднюю Азию, или на запад – в Крым. Кроме того, в XIV–XV веках периодически использовался волок между Доном и Волгой («сухой путь» составлял около 60 км).

Поднимаясь вверх по Волге, итальянские купцы торговали с городами Золотой Орды и русскими княжествами. Наиболее же короткий путь из Москвы был по Москве-реке, Оке и далее волоком до притоков Верхнего Дона, а оттуда – в Азовское море.

В Москве и Великом Новгороде были землячества итальянских купцов. На Руси их звали сурожанами по названию города Сурож (современный Судак). Сурожанами русские называли как генуэзцев, так и византийцев, без разбора. Многие купцы нанимались на службу к русским князьям. Так, известно о после и разведчике Дмитрия Донского Захарии Тютышове, сыне купца Тутче, поселившегося в Москве в середине XIV века. Если верить родословным, от этого Тутче и пошел известный дворянский род Тютчевых.

В ряде исторических произведений упоминается о «черной генуэзской пехоте», выведенной ханом Мамаем на Куликово поле в 1380 г. По сему поводу у наших мэтров историков разыгралась неумемная фантазия. Они в деталях расписывают действия генуэзской пехоты, ее вооружение и т. д. Но, увы, нет ни одного реального доказательства участия в Куликовской битве хотя бы дюжины итальянцев.

Да и вообще, татарские ханы ни до 1380 г., ни после не использовали пехоту в бою, ни свою, ни тем более генуэзскую.

Все объясняет одна фраза профессора Зуфара Мифтахова: «...генуэзцы Крыма выделили темнику Мамаю деньги, на которые он нанял ясов, касогов, крымских караимов и других для похода против московского князя».²⁵

²³ Стороженко А. В. Стефан Баторий и днепровские казаки. Киев, 1904.

²⁴ В черте современного г. Азова, подробнее об этом мы поговорим ниже.

²⁵ Мифтахов З. З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). Казань, 2002. Ч. II. С. 262.

Замечу, что генуэзцев не было в войсках золотоордынского хана Тохтамыш, взявшего Москву в 1381 г., равно как нет сведений об участии итальянцев хотя бы в одном дальнем походе татар.

Десятки итальянских колоний располагались огромной дугой по Черноморскому побережью бывшего СССР от Измаила до Батума. Наиболее крупные из них находились в Крыму.

Так, крупным центром генуэзской торговли были Каффа (Феодосия). С 1281 г. упоминается о генуэзском консуле Каффы. Первоначально город был окружен валом и деревянным частоколом.

В 1299 г. хан Ногай разорил город, но уже через несколько месяцев жизнь в Каффе возобновилась.

В 1307 г. войска золотоордынского хана Тохты осадили генуэзский город Каффу. Любопытно, что все требования татар к генуэзцам были экономическими. Итальянцы тоже показали характер и эвакуировали население города на кораблях. Татары с горя разгромили город. Только в 1313 г. генуэзцы получили разрешение от нового сарайского хана Узбека на восстановление Каффы. Город продолжал обладать статусом торговой фактории, обязанной платить не поземельную подать, а исключительно коммеркий. Так называлась торговая пошлина в ханскую казну в размере 3–5 % от стоимости ввозимого и вывозимого товара.

В 1322 г. Каффа получила *civitas* – официальный статус города в акте папы римского Иоанна XXII. Любопытен и состав городского населения Каффы на 1380 г.: генуэзцев – 42,7 %, армян – 32,3 %, греков – 19,5 % и мусульман, включая татар, – 4,5 %. Официальными языками города были латинский, греческий и татарский. Но на бытовом уровне население общалось на жаргоне «*lingua franca*», который с должной натяжкой можно считать диалектом латыни.

С 1276 г. в Каффе чеканилась серебряная монета. На одной ее стороне изображался символ Генуи и надпись на латинском языке, а на другой стороне стояли имя правящего золотоордынского хана и его тамга.

С 1320 по 1340 г. в Каффе строится внушительная каменная цитадель. К этому времени в Каффе известно двенадцать церквей. Кафедральным храмом служил величественный собор Святой Агнессы. Во второй половине XIV – первой половине XV века в городе оформилась светская высшая школа. В ней преподавали, в частности, генуэзцы Альберто Альфиери, Винченцо Мерлалли и другие.

Город Сугдея (Судак) был основан греками в VII веке до н. э. После 1261 г. византийский порт Сугдея переходит к венецианцам. Любопытно, что родственники венецианского торговца и путешественника Марко Поло имели в этом городе недвижимость. Под 1287 годом венецианские документы даже свидетельствуют о присутствии здесь консула.

В 1298 г. хан Ногай сжег Сугдею. 8 августа 1322 г. темник Толан-Темир захватил Сугдею без боя. Татаро-монголы «сняли все колокола, и разбили иконы и кресты, и двери закрыли...» 26 января 1323 г. монголы появились в Сугдее снова: «В этот день сломали безбожные агаряне святую икону Спасителя нашего Иисуса Христа в царских вратах богоспаемого города Сугдеи».

Римский понтифик Иоанн XXII был вынужден вмешаться. В 1323 г. в письме к хану Узбеку он просил разрешения христианам вернуться в город и возвратить им церкви, которые за это время были превращены в мусульманские храмы.

В июле 1365 г. Сугдею захватили генуэзцы и владели ей 110 лет. В 1365–1382 гг. они обнесли город земляным валом высотой более шести метров и деревянным частоколом. В первые десятилетия своего пребывания в Сугдее гарнизон крепости состоял из 60–80 наемников-латинян.

Договоры 1380–1381 гг. с золотоордынским ханом Тохтамышем утверждали права «великой коммуны Генуи» на обширные территории в горной части Крымского полуост-

рова, населенными преимущественно христианами. В состав этих территорий входила Готия с казалиями (число их в договоре не уточнено) и Сугдея с восемнадцатью казалиями в ее округе. К этому времени относится строительство в Сугдее мощной каменной цитадели (замка Св. Ильи), а затем и сам город был обнесен каменной стеной.

В современной Балаклаве греки поселились еще в VII веке до н. э. Тогда ее называли Сямболок-Лимена – «Гавань предзнаменования». Город был захвачен генуэзцами в 1343–1344 гг. и назван Чембало. Как и в других местах, генуэзцы для начала построили крепость с деревянными стенами на земляных валах. Не позднее 1357 г. началось строительство каменной крепости, о чем говорит строительная закладная плита генуэзского консула Чембало Симоне дель Орто.

Цитадель на вершине горы была посвящена Святому Николаю. Там находились консульский замок, здание городского совета, небольшая церковь, помещения для охраны, прислуги и прочих наемных работников. Более просторная нижняя часть крепости носила имя Святого Георгия.

Согласно уставу 1449 года, в Чембало положено было иметь 40 стрельцов из баллист и одного пушкаря. Замечу, что речь идет не о рядовых, а о высококвалифицированных офицерах, которые в военное время будут командовать резервистами из числа горожан. Недавно в консульском замке археологи обнаружили склад каменных ядер весом от 30 до 70 кг, общим весом свыше 7,5 тонны. Такие ядра могли служить боеприпасами как для метательных машин (баллист), так и для огнестрельных орудий (бомбард).

Большую часть населения Чембало составляли греки. Зимой 1432/1433 г. вспыхнуло восстание греческого населения города. Латиняне были частью перебиты, частью бежали, а 6 человек из генуэзского гарнизона греки ослепили. На помощь восставшим пришли войска соседнего княжества Феодор.

В марте 1434 г. из Генуи в Чембало отправилась карательная экспедиция под командованием Карло Ломеллини. У него было двадцать судов с шестью тысячами наемников.

4 июля 1434 г. эскадра Ломеллини появилась у входа в Балаклавскую бухту, которую защитники Чембало перегородили железной цепью. Тем не менее генуэзцам удалось высадить десант. Корабли открыли артиллерийский огонь по крепости. Судя по всему, у генуэзцев имелись мощные бомбарды, поскольку вскоре одна из башен была полностью разрушена. Чембало пала, а наемники устроили в городе резню.

Древний Херсонес был основан в V веке до н. э. выходцами из греческого города Гераклеи. В 1278 г. хан Ногай разрушил Херсонес (называвшийся тогда Херсоном). Когда город попал под контроль генуэзцев, пока точно не установлено. Археологические находки, связанные с присутствием в городе генуэзцев, фиксируются со второй четверти XIV века. А из писем папы Иоанна XXII и из других источников следует, что английский доминиканец Рикардус 15 июля 1333 г. был назначен католическим епископом в Херсон, а Франческо да Камерино 1 августа того же года назначен архиепископом Боспора. Из этого следует, что в Херсоне к тому времени уже существовала католическая епископия и имелся католический монастырь братьев миноритов. 18 сентября того же года папа римский назначил архиепископом Чембало некоего Николая.

Середина XIV века стала вершиной экономического могущества Херсонеса. Ежегодно туда приходили десятки кораблей. Городом правил генуэзский консул. Во второй половине XIV века в Херсонесе восстанавливается православная епископия. Однако в 1396 г. свирепый Тамерлан разрушил Херсонес, и он уже больше не восстанавливался.

К сожалению, объем книги не позволяет рассказать о городах Крыма Чодан-Куле, Луста и Гурзуф, равно как и об итальянских поселениях на Северном Кавказе.

В заключение я скажу пару слов о Тане – крупнейшем городе Азовского моря, городе, который можно равно назвать как генуэзским, так и венецианским. Согласно договорам 1169

и 1192 гг., византийский император разрешил генуэзским кораблям ходить в Черное море, но Азовское море оставалось для них закрытым. Лишь после 1204 г. первые генуэзские корабли приходят в устье Дона. Где-то в 20-х годах XIII века генуэзцы основали поселение Тано – от итальянского произношения названия реки Танаис. Сейчас это место находится на территории города Азова. Рядом с Таной татары построили город Азак.

В 1268 г. в Тане появляются венецианцы, хотя генуэзцы продолжают удерживать ключевые позиции в управлении городом. Главными товарами, вывозимыми из Таны, становятся донская рыба и русские рабы. Татары планировали набеги на юго-восточные русские княжества так, чтобы доставлять рабов к первому каравану судов в мае – начале июня, и ко второму каравану – в августе – начале сентября. Купцы Каффы предлагали татарам серебро, шелковые ткани Моссула, полотна Витри и Ломбардии, крашенные и хлопчатобумажные ткани, клеенку, ковры, крашенные козлиные шкуры, фрукты, льняное масло, вино, красители, киноварь, пряность рокцеллу. Судя по актам генуэзского нотариуса Ламберто ди Самбучетто, закупка рыбы, икры, бычьих шкур привлекла в Тану самые крупные генуэзские купеческие фамилии. В 1289–1290 гг. по объему капиталовложений в торговлю Тана превосходила все итальянские колонии Черноморья.

В 1304 г. генуэзская флотилия в Тане имела уже консульскую гражданскую курию со своей печатью. Ее возглавлял консул Ансальдо Спинола. В 1306 г. венецианские купцы из Таны вместе с послами хана Тохты прибыли в столицу Китая.

Любопытно, что, согласно уцелевшим документам в 1325–1326 гг., в Тане были одновременно и венецианский, и генуэзский консулы.

Подобно византийским императорам, татарские ханы лавировали между генуэзцами и венецианцами. Так, в 1332 г. татары сами передали венецианцам во владение ключевой порт Воспоро (бывший Пантикапей, современная Керчь).

9 октября 1332 г. венецианский посол Андрей Дзено с помощью консула Таны Николо Джустиниана получил, наконец, ярлык, по которому венецианцы обрели право вести торговлю во всех городах Орды. За венецианцами был закреплен участок земли в Тане, на берегу, с условием, что они там построят дома и пристань для судов.

Из Таны в Китай венецианцы отправлялись в 1336 и 1339 гг. В 1338 г. венецианцы отправились в Индию по маршруту Тана – Астрахань – Ургенч – Ганза, однако путешествие это закончилось неудачей. От Таны до Астрахани венецианцы добирались по суше на волах за 25 дней, а на лошадях за 10–12 дней. Но водным путем можно было добраться быстрее. Поэтому часть товаров перевозили в ладьях, которые шли вначале вверх по Дону, затем через Переволочну попадали в Волгу и спускались до Астрахани.

Через Тану лежал путь из Москвы, Булгара и Сарая в Константинополь. Так, из Москвы в Константинополь через Тану было два пути: вниз по Дону до Таны и вниз по Волге до Сарая, затем волоком суда перетаскивались в Дон, откуда шли по Дону в Тану. На обратном пути из Константинополя шли следующим маршрутом: из Синопа в Судак, а оттуда, минуя Каффу, в Тану, где товары перегружались на речные суда. По Дону суда поднимались до селения Дубок, откуда шла дорога на Рязань и Москву.

Порт Тана входил в целую систему приазовских портов, снабжавших итальянцев продовольствием и другими товарами. У современного Таганрога находился порт Порто-Пизано, там корабли с большой осадкой останавливались в пяти милях от берега. В устье Миуса находился порт Росси. К югу от нынешнего Мариуполя, у Белосарайской косы, имелась корабельная стоянка Паластра (Палестра, по-тюркски Баласыра). К югу от Таны находились порты Бальчимахи (современный Ейск) и Фаро (современный Ахтарск). Здесь корабли останавливались в трех милях от берега. В порту Иль Пеше (современный Темрюк) корабли грузились в пяти милях от берега. Последним портом на выходе из Черного моря был Воспоро (Керчь).

Корабли отправлялись из Венеции в Тану и Трапезунд два раза в год: в июле – августе, иногда в феврале – марте, и возвращались в Венецию в марте и сентябре, изредка в начале января. Путь от Венеции до Таны занимал 3 месяца, а туда и обратно – полгода. Зимовка в Черноморских портах запрещалась. Суда шли караваном, торговые суда прикрывали военные галеры.

К концу XIV века на итальянских судах в Черном море появились пушки. Так, на генуэзских торговых судах типа кокка водоизмещением 300–500 тонн в 1399–1400 гг. было положено иметь по три бомбарды (тип пушек), три баллисты и 35 арбалетов. Это вооружение не было излишним, поскольку происходили нападения на купцов венецианских и генуэзских кораблей.

Конец итальянскому владычеству на Великом море положил захват турецким султаном Мехметом II Константинополя 29 мая 1453 г.

Турки не пожелали терпеть итальянские колонии на берегах Великого моря, и они все были разрушены в 1475–1480 гг. Большая часть итальянцев была убита или продана в рабство. Лишь нескольким сотням удалось бежать через Великое княжество Литовское и вернуться на родину. Тысячи итальянцев остались в Крыму под властью турок и татар. Постепенно их язык засорялся тюркизмами, многие женились на татарках и переходили в ислам. К середине XVIII века в Крыму оставались лишь несколько сот потомков колонистов, говоривших на смеси итальянского и татарского языков и еще исповедовавших христианство. К концу XVIII века все их следы затерялись.

Русское море, оно же Великое море Италии было названо турками Черным и на 300 лет стало османским озером.

Глава 4

Италия – экспортер интеллекта и прекрасного

В XIV–XV веках города Италии занимали первое место в Европе по развитию ремесел, торговли и банковского дела. В этот период значительно совершенствуется строительная техника. Огромные готические соборы предыдущих веков часто строились несколькими поколениями строителей. А в XIV–XV веках большие каменные здания стали возводить всего за несколько лет, используя точные планы и расчеты. Применение точных расчетов, а также строительных усовершенствований – комбинаций блоков, рычагов и наклонных плоскостей – позволило разрешать архитектурные задачи, недоступные мастерам предшествующих веков. Примером тому служит сооружение купола собора во Флоренции по проекту знаменитого архитектора Брунеллеско.

Итальянские инженеры в XIV–XVI веках становятся лучшими в мире фортификаторами, а итальянская артиллерия, по крайней мере, не уступает лучшим образцам артсистем Западной Европы и Турции. Неслучайно первым артиллеристом-теоретиком стал знаменитый итальянский математик Николо Тарталья. В 1537 г. в своем сочинении «Nuova scienza» он представил человечеству новую науку – внешнюю баллистику, и дал описание изобретенного им квадранта для наводки мортир. В другом своем сочинении – «Quesiti el invenzioni diversi», изданном в 1546 г., разбирая различные артиллерийские вопросы, Тарталья рассмотрел и вопросы внутренней баллистики.

До конца XVII века монографии Тарталья были настольными книгами артиллеристов всей Европы.

Неслучайно великий князь Иван III, решив перестроить Москву, приглашает итальянских мастеров. Крупнейшей фигурой среди них, бесспорно, является архитектор и инженер Аристотель Фиораванти (около 1415 – около 1486). Родился он в Болонье, в семье потомственного инженера. В 1451–1453 гг. Фиораванти выполнял различные ремонтные, фортификационные и гидротехнические работы в Риме, а с 1458 г. работал в Милане, Мантуе, Парме, Будапеште и других городах.

В 1473 г. Аристотель Фиораванти приехал в Рим, где планировалось провести передвижку огромного обелиска. Но вдруг Фиораванти арестовали и заключили в тюрьму, обвиняя в сбыте фальшивых монет. Об этом стало известно в Болонье. В городском архиве сохранилось постановление властей: «Июня 3-го дня 1473 года. Так как до сведения дошло, что магистр инженерных работ Аристотель был схвачен в Риме по поводу фальшивых монет и, таким образом, покрыл себя позором в том государстве, куда он был послан нашим Правительством именно для службы и исполнения поручений Святейшего отца, то мы всеми белыми бобами (т. е. единогласно) лишили вышесказанного Магистра Аристотеля должности и содержания, которые он получает от Болонской Каморы, и постановили, чтобы это лишение считалось со дня его уличения навсегда, при условии, что обвинение окажется верным».

Каким-то способом Аристотелю удалось выбраться на свободу. И тут ему подвернулось русское посольство Семена Толбузина, присланное Иваном III для вербовки архитекторов и инженеров для работы в Московии.

И вот, как гласит Первая Софийская летопись, «в лето 6983 (1475 г.) на Велик день пришел из Рима посол Великого князя Семен Толбузин, а привел с собой мастера муроля, кой ставит церкви и палаты, именем Аристотель». «Велик день» – Пасха – в 1475 г. пришелся на 26 марта.

При дворе великого князя Фиораванти встретили с почетом. Венецианец Амброджо Контарини, посетивший Москву в 1476 г., писал, что в городе «работали различные итальянские мастера, среди которых мастер Аристотель из Болоньи, инженер, который строил церковь на площади. Мне довелось некоторое время жить у него в доме, который находился почти рядом с домом Господина», то есть недалеко от дворца великого князя. А церковь, упомянутая Контарини, это Успенский собор Московского Кремля.

Впервые белокаменный Успенский собор был построен в 1326–1327 гг. митрополитом Петром, где он и был похоронен. В 1472 г. Иван III повелел разобрать готовый обвалиться собор.

Немедленно на том же месте русские мастера начинают строить новый каменный Успенский собор и заканчивают его в 1474 г. А пока 12 ноября 1473 г. Ивану III пришлось венчаться с византийской принцессой Софией Палеолог во временной деревянной церкви, поставленной в алтаре строившегося собора.

Однако 21 мая 1474 г. Успенский собор рухнул. Так и простоял собор полуразрушенным почти год. А в 1475 г., сразу же по приезде в Москву, Аристотель Феораванти приступает к строительству. Итальянский мастер не пожелал использовать уцелевшие конструкции церкви и велел уничтожить все до основания. Летописец по этому поводу ехидно записал: «...еже три года делали, во едину неделю и меньше развали».

Фиораванти первым делом тщательно изучил причины разрушения Успенского собора и лишь потом велел рабочим приступить к рытью фундамента и кладке стен. Он согласился с мнением псковских мастеров о плохом качестве используемого известкового раствора и научил, как надо его готовить. И теперь «известь же густо мотыками повеле мешати, и яко наутрие же засохнет, то ножом не мочи расколупити... как тесто густое растворяше, а мазаша лопатками железными».

По свидетельству летописи, фундамент был заложен на глубине свыше двух сажень, причем укладывался он не на грунт, а на дубовые сваи, забитые в основание рва. Это все были новшества, удивлявшие москвичей, но быстро воспринятые ими.

Русские зодчие использовали кирпич и до приезда Аристотеля, но кирпич этот не отличался хорошим качеством, и его применяли в основном для забутовки белокаменных стен. Аристотель же построил новые кирпичные заводы за Андрониковым монастырем в Калитникове, на берегу Москвы-реки. Кирпичи с нового завода были более продолговатой формы по сравнению с прежними, а главное, отличались намного большей твердостью.

По завершении подготовительных работ – разрушение старой церкви, рытье рвов для фундамента и заготовка кирпича – Аристотель уже в том же году приступил к кладке стен. Фиораванти специально ездил на древние разработки белого камня в подмосковное Мячково, остался доволен качеством добываемого там камня и наладил его доставку на стройку в Москву.

В 1476 г. Фиораванти возводит стены на высоту аркатурно-колончатого пояса. Вместо традиционных дубовых связей он использует металлические, закрепляя их анкерами на наружных стенах, что значительно укрепляет всю конструкцию. Для подъема на высоту кирпича и извести Фиораванти использует специальные приспособления – подъемники. Летописец подробно описывает все эти строительные новшества.

В 1477 г. строительство собора было закончено. Еще два года ушло на внутреннюю отделку, и 12 августа 1479 г. Успенский собор был торжественно освящен митрополитом Геронтием.

Ко времени прибытия Фиораванти в Москву все артиллерийские орудия в Великом княжестве Московском изготавливались из кованого железа. Фиораванти же предложил и научил московских мастеров лить их из меди. В 1475 г. недалеко от Фроловской (ныне Спасской) башни Кремля Аристотель построил завод по отливке пушек – Пушечную избу.

В 1488 г. во время большого московского пожара Пушечная изба сгорела, но через несколько месяцев на левом берегу реки Неглинной была построена новая Пушечная изба, состоявшая уже из целого ряда деревянных построек.

Замечу, что отливкой пушек в Москве занимались и другие итальянские мастера. Среди них большую известность получил Павлин Дебосис, отливший в 1488 г. первую русскую «Царь-пушку». Вес ее медного ствола составлял 1000 пудов, то есть 16,4 тонны. Данные об ее устройстве не сохранились, но, если предположить, что это была бомбарда (иных орудий такого веса тогда в Европе не было, мортиры же пушками никогда не именовались), то ее калибр должен был составлять около 45 см.

К сожалению, в петровские времена эту пушку перелили на металл.

Аристотель Фиораванти стал начальником московской артиллерии, чем-то типа генерал-фельдцейхмейстера XVIII–XIX веков. В октябре 1477 г. Иван III двинулся в поход на Господин Великий Новгород. Вместе с «нарядом» отправился к Новгороду и Фиораванти. При осаде города ему пришлось выполнять и обязанности главного военного инженера. «Того же месяца 6 велел князь великий мост чинити на реке Волхове своему мастеру Аристерю Фрязину под Городищем... И той мастер учинил таков мост под Городищем на судех на той реце, и донеле же князь великий одолев возвратися к Москве, а мост стоит. На предная же возвратимся».²⁶

В 1482 г. Фиораванти отправляется в поход на Казань. Впервые в истории Московского государства пушки были установлены на парусных судах. Однако судовая рать дошла только до Нижнего Новгорода, поскольку конфликт был улажен дипломатическим путем.

В начале 1483 г. Иван III учинил дикую расправу над лекарем «немчином Антоном». Есть веские основания полагать, что он был итальянцем Антонио. Великий князь приказал Антонио вылечить некоего князя Каракучу, находившегося на службе касимовского царевича Даньяра. Однако сей Каракуча отдал Богу душу, и Иван III велел жестоко пытать лекаря. Фиораванти и другие итальянцы, бывшие в Московии, собрали деньги и предложили их Даньяру и родичам покойного. Татары были рады взять деньги и уладить дело миром.

Однако великий князь «веле его [Антони] убити; они же сведше его на реку на Москву под мост, зиме, да зарезаша его ножом как овцу. Тогда же Аристотель, бояся того же, почал проситися у великого князя в свою землю; князь же велики поима его и ограбив посади на Онтонове дворе за Лазорем святым».²⁷

Однако московские артиллеристы не могли обойтись без своего главного мастера и начальника. Аристотеля пришлось освободить.

И вот в 1485 г. Фиораванти отправляется с Иваном III в поход на Тверь «с пушками, и с тюфяки, и с пищальми». 12 сентября 1485 г. Тверь капитулировала, а последний великий тверской князь Михаил Борисович бежал в Литву.

Точная дата смерти и место погребения Аристотеля Фиораванти неизвестны. Большинство исследователей согласны, что он умер в Москве в 1486 г.

Вслед за Аристотелем Фиораванти в Москву стали прибывать и другие итальянские мастера, которых в это время называли «Фрязами» или «Фрязинами», то есть итальянцами: Пьетро Антонио Солари, Марк Фрязин, Бон Фрязин, Алевиз Старый, Антон Фрязин и другие.

Знаменитый Архангельский собор Кремля, как и Успенский собор, был первоначально построен русскими мастерами в 1333 г. Он служил местом захоронения московских князей и их родственников. Однако из-за ветхости в 1505 г. собор пришлось разобрать, а 25 княже-

²⁶ Цит. по: Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2007. С. 203.

²⁷ Полное собрание русских летописей. Т. CI. Софийская вторая летопись. СПб., 1853. С. 235.

ских гробниц были временно перенесены в церковь Иоанна Лествичника. В том же 1505 г. по приказу Ивана III итальянский архитектор Алевиз Новый начал строительство Архангельского собора. На его постройку ушло три года.

В 1505–1508 гг. итальянский архитектор Бон Фрязин возводит колокольню «Иван Великий», которая до времен Сталина была самым высоким зданием Москвы. Высота этой столпообразной колокольни около 60 м. В ее основании со стенами толщиной 5 м на оставшейся площади размером всего 25 кв. м разместили старую церковь Св. Ивана Лествичника.

В 1499–1508 гг. мастер Алевиз построил большой дворец для Ивана III. А в 1487–1491 гг. Марко Фрязин и Пьетро Солари построили Грановитую палату. Свое название это здание получило потому, что стены его облицованы белым камнем, обтесанным на четыре грани. Подобная обработка камня называется «бриллиантовый руст», что характерно для итальянской эпохи Возрождения. Грановитую палату называли также Государевой Золотой палатой, потому что в XVII веке ее своды расписали по золоту.

Стены и башни Московского Кремля также построены под руководством итальянских мастеров Антонио Фрязина (Антонио Джиларди), Марко Фрязина (Марко Руффо), Петра Фрязина (Пьетро Антонио Солари), Алевиза Фрязина Старого (Алоизио де Каркано).

Первый каменный кремль был построен еще при Дмитрии Донском, но его стены из белого камня пришли в негодность, и по приказу Ивана III итальянские мастера с 1485 по 1499 г. возвели новый кирпичный Кремль с двадцатью башнями.

В 1501–1503 гг. итальянские мастера строят собор в Чудовом монастыре в Московском Кремле.

Замечу, что итальянские мастера возводили храмы и фортификационные сооружения не только в столице, но и в других городах Московского государства. Другой вопрос, что имена этих мастеров нам в большинстве случаев неизвестны. Из отрывков документов XVI века мы узнаем, что Петр Френчюшко в 1508 г. был послан в Нижний Новгород для строительства там кремля. Мастера Варфоломео Мастеробон (мастер Бон) в 1508–1509 гг. руководили строительством крепости в городе Дорогобуже.

Известно, что в 1515 г. в Тихвине неизвестный итальянский мастер построил Успенский собор. Есть достаточно доказательств работ итальянских мастеров в строительстве загородной резиденции Василия II в Александровской слободе. «Архитектура построек слободы, ее собора (1513 г.) и церкви-колокольни указывает на участие не только итальянских каменщиков-резчиков, но и архитекторов. Именно в период с 1508 и до 1515 гг. в Ростове-Великом и в Хутынском монастыре возводятся соборные храмы, архитектура которых позволяет сделать достоверные заключения об их сооружении итальянскими зодчими».²⁸

Чеканка первой золотой монеты в Московском государстве и второй в истории Руси (со времен князя Владимира Святого) тоже связана с итальянцами.

В конце 50-х годов XV века в Москву из Золотой Орды прибыл итальянский купец и мастер Джан Баттиста делла Вольпе. На Руси его прозвали Иван Фрязин. Именно его в 1469 г. Иван III отправил послом в Рим сватать для великого князя византийскую принцессу Софию Палеолог.

Однако в 1472 г. Вольпе попадает в опалу Ивана III. Его имущество разграблено, а сам Вольпе сослан в Коломну. Но через несколько месяцев его возвращают в Москву, где заставляют организовать чеканку золотых монет. Позже их называли «золотыми угорскими», их вес составлял 3,5 грамма. Дело в том, что по указанию Ивана III монеты повторяли тип венгерской золотой монеты, вплоть до герба венгерских королей и изображения святого Вла-

²⁸ Баталов А. Л. Судьбы ренессансной традиции в средневековой культуре. Итальянские формы в русской архитектуре XVI века // Искусство христианского мира: Сборник статей. Выпуск. 5. М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского Богословского института, 2001. С. 136.

дислава. Любопытно, что население Московии считало его портретом самого Ивана III. А может, и не было приказа великого князя копировать «угорский золотой», а это просто хорошая шутка обиженного мастера Вольпе.

В 1528 г. в Москву приехал итальянский мастер Петрок Малой. Он также был известен как Петр Фрязин, судя по всему, его настоящее имя Пьер Ганнибал. «Летописи сохранили сведения о нескольких постройках Петрока, или Петра Малого Фрязина. В 1534 г. он заложил в Москве земляной город, получивший название Китай. На следующий год он же начал строительство каменного Китай-города. В 1534–1535 гг. Петр Малой строит земляную крепость в Себеже, в 1536 г. – в Пронске. Параллельно с этим он вел строительство Воскресенской церкви в Кремле, рядом со столпом Ивана Великого, она была заложена еще в 1532 г. и завершена без лестницы в 1543 г., полностью закончена и освящена только в 1552 г. уже без участия итальянского мастера».²⁹

Замечу, что Петрок Малой строит на Руси не только каменные крепости, но и земляные бастионы, что было новшеством в Московии. В частности, такого типа крепости были построены в городе.

Есть достаточно оснований полагать, что именно Петрок Малой был архитектором знаменитой церкви Вознесения в селе Коломенское под Москвой. Вся документация о строительстве церкви погибла при пожаре, поэтому идут споры о времени строительства. Высказываются и сомнения об авторстве Петрока, но иных кандидатур не находится.

Замечу, что в 1979 г. в ходе реставрации церкви Вознесения были обнаружены на белокаменном корпусе наружных лопаток крестовой части храма вырезанные арабские цифры 1533. В России в XVI веке было совсем иное летоисчисление, и это косвенно свидетельствует в пользу итальянских мастеров.

Работам итальянских мастеров в России во второй половине XV – первой половине XVI веков стоит посвятить многотомную монографию, я же здесь вынужден ограничиться краткой ретроспективой.

В середине XVI века деятельность итальянских мастеров в России прекращается и возобновляется лишь в начале XVIII века в царствование Петра I. Среди архитекторов петровского времени первым следует назвать Доменико Трезини (около 1670–1734) – одного из основоположников так называемого «петровского барокко». Оказавшись без работы при датском королевском дворе Фридриха IV, Трезини в 1703 г. охотно принял приглашение русского посла Измайлова «служить в городском и палатном строении». В апреле того же года Трезини едет в «Санкт Питербурх». Там он занялся строительством укреплений на острове Котлин. Трезини создает первый форт крепости на искусственном острове на Южном фарватере. Форт получает название Кроншлот. Деревянные, а также каменные форты острова Котлин, возводимые Трезини, современники называли «российскими Дарданеллами». В 10–20-х гг. XVIII века Трезини строит не только укрепления, но и пороховые погреба, склады, казенные здания, прокладывает каналы.

В 1704 г. Петр I отправляет Трезини восстанавливать крепость Нарву, пострадавшую в ходе штурма русских войск.

В 1706 г. Трезини приступил к реконструкции Петропавловской крепости, земляные бастионы которой царь повелел одеть в камень. Завершить основные работы удалось лишь к 1718 г.

В 1712–1733 гг. Трезини в Петропавловской крепости на месте деревянной церкви строит Петропавловский собор, ставший усыпальницей русских императоров. Через год

²⁹ Подьяпольский С. С. Архитектор Петрок Малой. // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Стил, атрибуции, датировки. Москва, 1983. С. 35.

после окончания строительства собора, в 1734 г., Трезини скончался и был похоронен в Санкт-Петербурге.

Не менее интересны творения Луиджи Руска. «Еще мальчиком, в 1767 году, он приехал в Россию с отцом – каменных дел мастером Джованни Руска, приглашенным И. И. Бецким для строительства Исаакиевского собора и памятника Петру Великому. Официально поступил на службу в 1783 году. К основным работам Луиджи Руска в Санкт-Петербурге относятся: дворец Бобринских на Галерной улице, казармы Кавалергардского, Измайловского, Гренадерского, Астраханского полков, дом ордена иезуитов на Екатерининском канале, дом с четырьмя фронтонами на углу Садовой и Итальянской улиц. В Царском Селе в пейзажной части Екатерининского парка по его проекту (1809) была построена Гранитная терраса, а также Большая гранитная пристань на берегу Большого пруда. Руска был избран академиком архитектуры Петербургской академии художеств. По его проектам в Украине построен Нежинский лицей в стиле классицизма (1807–1817), гостинные дворы в Киеве (вместе с арх. Меленским, 1809), Белой Церкви (1809–1814) и Феодосии, церковь в Симферополе (1809). В 1818 году он уволился со службы и вернулся в Италию».³⁰

В 1716 г. в Россию по приглашению Петра I прибыл уроженец Флоренции Бартоломео Карло Растрелли. Он взял с собой шестнадцатилетнего сына Франческо. Бартоломео в России считался основоположником стиля барокко в скульптуре.

Бартоломео Растрелли увековечил образ Петра Великого в парадно-триумфальном конном монументе, отлитом из бронзы в 1745–1746 гг. и в 1800 г. установленном перед Инженерным замком, и большим бюсте, отлитом из бронзы в 1723–1729 гг. и установленном в Эрмитаже. Среди других произведений мастера – бюст А. Д. Меншикова (1723–1729, Русский музей, Петербург), группа «Императрица Анна Ивановна с арапчонком» (бронза, 1733–1741, Русский музей) и др.

Его сын Бартоломео Франческо Растрелли (1700–1771) по праву считается крупнейшим представителем русского барокко. В 1730 г. он стал придворным архитектором императрицы Анны Ивановны. В 1736–1740 гг. Франческо строит для графа Бирона дворцы в Рундале и Митаве в Курляндии. В 1745–1757 гг. он руководил работами по перестройке царских резиденций в Петергофе и Царском Селе. В 1754–1762 гг. по проектам Растрелли возводился новый Зимний дворец. Среди других произведений Растрелли – Воронцовский (1749–1757) и Строгановский (1752–1754) дворцы в Петербурге.

В царствование Елизаветы Федоровны Франческо Растрелли был допущен к проектированию православных храмов в Киеве, построенных в 1748–1767 гг. Растрелли построил в 1745–1752 гг. Мариинский дворец, который ныне является резиденцией президента Украины.

Самым крупным из церковных комплексов зодчего явился Смольный монастырь в Петербурге (1748–1764) с жилыми корпусами и храмами.

Скончался Франческо Растрелли в Петербурге в 1771 г.

В 1751 г. гетман Кирилл Розумовский пригласил в Малороссию из Италии архитектора – Антонио Ринальди (около 1710–1794), который работал в Киеве и на Черниговщине.

В 1754 г. император Петр III поручил Ринальди строительство дворцового комплекса в Ораниенбауме под Петербургом. По его проектам здесь были возведены: дворец Петра III (1759–1762), впечатляющий декоративно-пластической изысканностью Китайский дворец (1762–1769) и уникальная Котельная горка (1762–1774). Среди других произведений итальянского архитектора особо стоит отметить Мраморный дворец в Петербурге (1768–1783, ныне отдел Русского музея) и дворец в Гатчине (1766–1781).

³⁰ Материалы сайта http://www.italcult.ru/famous_4_2_4.php.

Об итальянских мастерах конца XVIII – начала XIX века можно написать многотомную монографию, но здесь придется ограничиться лишь упоминанием знаменитых имен: Джакомо Кваренги (1744–1817), Франческо Кампорежи (1747–1831), Карло Росси (1775–1849).

Как видим, вклад итальянских мастеров в архитектуру, скульптуру, живопись, фортификацию и даже артиллерию России трудно переоценить. Это была попытка экспорта интеллекта и прекрасного.

Глава 5

Россия выходит в Средиземное море

К середине XVIII века Италия по-прежнему была раздроблена. Самым крупным государством ее было Королевство обеих Сицилий (Неаполитанское королевство). В его состав входила вся Южная Италия вместе с островом Сицилия. Столицей королевства был город Неаполь. С 1759 г. там царствовал король Фердинанд IV из рода Бурбонов.

Центральная часть Италии находилась под властью римских пап. В центре Папской области имелось независимое гособразование – республика Сан-Марино.

Герцогство Парма было формально независимым с 1748 г., когда оно освободилось от власти Габсбургов, и герцогом там стал Филипп I, сын итальянского короля Филиппа V. В 1765 г. ему наследовал Фердинанд I Бурбон.

Герцогства Миланское и Тоскана были вассалами австрийского императора.

На севере Италии по-прежнему существовали республики Венеция и Генуя. Причем в состав первой входили Далмация и Дубровник, а в состав второй до 1769 г. входила Корсика.

В состав Сардинского королевства входили как сама Сардиния, так и Пьемонт. Столицей герцогства был город Турин. С 1773 г. по 1796 г. там царствовал Виктор-Амадей III, а затем его сын Карл-Эммануил II (1796–1802).

Особого интереса для русской дипломатии эти страны до 1762 г. не представляли. Но вот в июле 1762 г. на русский престол всходит Екатерина II. Новую императрицу больше всего заботили внутренние проблемы России. Однако 5 октября 1763 г. умирает польский король Август, и Екатерина вынуждена вмешаться в спор о польском наследстве.

Екатерина II вопреки мнению прежнего мэтра русской внешней политики престарелого графа Бестужева-Рюмина отказалась поддерживать саксонскую династию и решила посадить на престол 31-летнего графа Станислава Понятовского. Екатерина заручилась поддержкой прусского короля Фридриха II, и в августе 1764 г. на элекционном сейме граф Понятовский был единогласно избран королем под именем Станислав Август IV Паны этим были крайне удивлены и говорили, что такого спокойного избрания никогда не бывало. В Петербурге тоже сильно обрадовались, Екатерина писала графу Панину: «Поздравляю вас с королем, которого мы сделали».

Замечу, что граф Понятовский не принадлежал ни к одному царственному роду, хотя Екатерина II и величала его Пястом. На самом деле Пясты – династия древних польских королей – вымерли в Польше в XIV веке, а боковые ветви – в Силезии в XVI веке. Зато у Стася Понятовского имелось два достоинства: во-первых, он являлся активным членом «русской партии» среди польских магнатов, а во-вторых, в 1755–1760 гг. он был любовником цесаревны Екатерины Алексеевны.

На последнем и решили сыграть польские паны, недовольные правлением нового короля. Знатные ляхи зачастили в Стамбул, где стали внушать придворным султана, что «русская кралица» возвела на престол своего любовника Стася, чтобы сочетаться с ним браком и династической унией объединить Российскую империю и Речь Посполитую.

Османские министры собрали все анекдоты об амурных похождениях Екатерины, ходившие при европейских дворах, и пришли к выводу, что от такой дамы «чего не может случиться». А объединение двух славянских государств представляло страшную угрозу Порте, да и турки сами зарились если не на всю Польшу, то на ее южную часть.

Поводом для войны стало нападение гайдамаков (малороссийских повстанцев) на пограничную турецкую деревню Галту в Подолии. Понятно, что Россия не имела никакого отношения к инциденту, но в Стамбуле это никого не интересовало.

25 сентября 1768 г. султан Мустафа III повелел заключить русского посла Алексея Обрескова в Семибашенный замок и объявить России войну. Причем войну не обычную, а священную! Султан считал себя «тенью Аллаха на земле» и духовным главой всех мусульман. Посему из Стамбула в Среднюю Азию и даже в Казань полетели грамоты с призывами подниматься на священную войну против нечестивцев.

Екатерина II, занятая по горло Польшей, а главное, внутренними преобразованиями в империи, всячески оттягивала войну, и в 1765–1768 гг. пошла на ряд уступок султану. Однако, узнав об объявлении войны, императрица пришла в ярость. Из письма Екатерины к послу в Англии графу И. Г. Чернышеву: «Туркам с французами заблагорассудилось разбудить кота, который спал; я сей кот, который им обещает дать себя знать, дабы память не скоро исчезла. Я нахожу, что мы освободились от большой тяжести, давящей воображение, когда развязались с мирным договором; надобно было тысячи задабриваний, сделок и пустых хлопот, чтобы не давать туркам кричать. Теперь я развязана, могу делать все, что мне позволят средства, а у России, вы знаете, средства не маленькие».

Традиционным театром военных действий между турками и русским было Причерноморье, включая Дикую степь и территорию современной Румынии, а вторым фронтом был Кавказ. И на сей раз основная ударная сила русской 80-тысячной 1-й армии князя А. М. Голицына готовилась к походу на Дунай; 40-тысячная 2-я армия, дислоцированная в районе Елизаветграда (с 1954 г. Кировоград), должна была действовать в Причерноморье; Отдельный корпус генерала Медема предполагалось направить на Кавказ.

Однако Екатерина решила нанести Турции еще один удар – послать эскадру в Средиземное море. В 1768 г. этот план выглядел полнейшей авантюрой. Покойная Елизавета Петровна никак не могла взять в толк, почему в Англию нельзя проехать в коляске. Да и Мустафа III, и его министры долго смеялись, когда французский посол предположил, что русские корабли могут оказаться в Средиземном море. Даже с точки зрения современной военной морской стратегии действия эскадры без операционных баз – полнейший бред. Ведь войну 1768–1774 гг. Россия вела без союзников. Где будут базироваться и ремонтироваться русские корабли? Кто будет снабжать эскадру продовольствием? Где будут лечиться раненые и больные?

Екатерина предвидела войну с турками и загодя приступила к налаживанию дипломатических отношений с итальянскими государствами.

О том, как в Италии относились к России, лучше всего свидетельствует инструкция, данная императрицей 12 апреля 1772 г. адмиралу В. Я. Чичагову, отправившемуся на Средиземное море: «Положение наше с Францией может столько же присвоено быть и Гишпании и королевству обеих Сицилий. Во Франции имеем мы поверенного в делах советника посольства Хотинского. В Мадриде поверенного же в делах переводчика Рикмана, а в Неаполе никого. Со всеми сими Бурбонскими дворами имеем мы только наружное согласие и можем, конечно, без ошибки полагать, что они нам и оружию нашему добра не желают, но с другой стороны, нельзя же ожидать, чтобы они шествию вашему явно и вооруженной рукой сопротивляться стали, не имея к тому не только законной причины, ниже казистого предлога, который бы предусмотрительное покушение сколько ни есть покрыть мог. Сие описание образа мыслей Бурбонских дворов долженствует решить ваше к ним поведение и показать, что вам со встречающимися их кораблями хотя дружелюбно, но осторожно, однако ж, обходиться, а гавани их, кроме самой крайней нужды, обегать надобно, разве когда к спасению другого пути оставаться не будет. Таковые диспозиции Бурбонских дворов в рассуждении нас по причине настоящей войны нашей открываются от дня в день более, и нам, по известиям, от всех сторон получаемым, надлежит ожидать, что не возмogli ни по какому резону явно нас атаковать, постараются они коварством и хитростью искать самого малей-

шего к привязке предлога для нанесения нам вреда и воспрепятствования на востоке нашим операциям. Вследствие чего должны вы всегда остерегаться от хитростей...

Кроме вышеоглавленных итальянских владений, представляются еще там великое герцогство Тосканское с вольным портом Ливорно, республики: Генуэзская, Венецианская и Рагузская, которая состоит под протекцией турков и им дань платит.

Ливорно, будучи вольным для всех портом, не может натурально и для всех затворено быть, поколику военные эскадры могут участвовать в неограниченной свободе и преимуществах вольного порта. Уже некоторые корабли нашей первой эскадры туда приставали, и примеров тому множество в последних войнах между Англией и Францией. Они могут и вам служить за правило, С республикой Генуэзской не имеем мы беспрепятственного сношения; но хотя она в политике своей и привязана к Бурбонским домам, а особливо к Франции, которой недавно и подвластный ей остров Корсику совсем уступила, но тем не меньше, однако же можно надеяться, что она по образу вольного своего правления не откажет эскадре нашей в нужном пристанище, ибо такой отказ был бы противен самой конституции ее, и в самом деле не сделала она никакого затруднения принять приставший туда один из наших военных кораблей.

В рассуждении республики Венецианской настоят другие уважения. Она издавна желает ближайшего с нами соединения. Но по робости, от соседства с турками происходящей, не смеет еще податься на явные к тому способы. Без сомнения, венецианцы желают нам внутренне добра, разве дезерция их подданных нашей православной веры, кои вышли из земель их владения для принятия участия в морейских происшествиях,³¹ делает замешательство в образе их рассуждения о настоящей войне нашей».³²

Екатерина II и ее окружение прекрасно понимали, что без поддержки русских регулярных сил любое восстание в Греции и на Балканах не только заведомо обречено на поражение, но и даже не способно будет оттянуть на себя значительное число османских войск. Поэтому Екатерина приняла смелое решение послать эскадру за 8 тысяч верст в Восточное Средиземноморье, куда еще никогда не заплывали русские суда.

В состав эскадры вошли семь кораблей³³ («Европа», «Святослав», «Святой Евстафий Плакида», «Трех Иерархов», «Святой Иануарий», «Северный Орел» и «Трех Святителей», из которых «Святослав» был 80-пушечный,³⁴ а остальные – 66-пушечные). Кроме того, в составе эскадры был фрегат «Надежда Благополучия», 10-пушечный бомбардир-

³¹ Имеется в виду борьба Венецианской республики с турецкой экспансией на Балканах и многочисленные венециано-турецкие войны (1464–1718), в результате которых Венеция утратила почти все свои владения – Кипр, Крит и другие острова, побережье Морей (Пелопоннес).

³² Чичагов П. В. Записки. М.: Российский фонд культуры; студия «Тритэ» Никиты Михалкова «Российский архив», 2002. С. 135–137.

³³ Корабль – парусное военное судно, несло 3 мачты с прямыми парусами. Корабли с XVII по середину XIX в. являлись основной силой военно-морских флотов. Они вооружались от 50 до 100, а в XIX в. до 130 орудиями крупного и среднего калибра, которые располагались на одной-трех закрытых палубах (деках) и на открытой палубе. В русском флоте к началу царствования Екатерины II максимальный калибр был 36 фунтов (172 мм) для пушек и 1 пуд (196 мм) для единорогов. Минимальным калибром были 8- или 6-фунтовые пушки. Пушки меньших калибров и Кугорновы мортиры в счет не шли, их устанавливали в различных местах корабля по мере необходимости или переставляли шлюпки и барказы корабля. С середины XIX в. повелось кораблем называть любое крупное судно. А в начале XX в., после появления «Дредноута» броненосцы дредноутного типа и старые броненосцы были переклассифицированы в линейные корабли. К сожалению, наши малограмотные историки с середины XX в. стали применять термин «линейный корабль» к кораблям XVIII–XIX вв. Не пора ли нашим титулованным историкам начать уважать историю и русский язык. В русском языке есть частные понятия и обобщающие понятия, включающие в себя совокупность частных. Так, дуб, сосна и береза обозначают конкретные породы деревьев, а их совокупность называется деревьями. А наших историков не волнует разница между карронадой, пушкой и мортирой, и вместо того, чтобы применить к их совокупности общее понятие «орудие» или «артиллерийское орудие», они всех их записывают в пушки. Точно так же шебеки, бриги и галеры в XVIII в. – это не корабли, а их совокупность в русском языке обозначается четко и ясно – суда. В крайнем случае, в книгах для младшего и среднего школьного возраста можно указывать это в примечаниях.

³⁴ Это ранг числа, фактически на нем могло стоять несколько меньше или несколько больше пушек.

ский корабль «Гром», четыре 22-пушечных пинка³⁵ – «Соломбала», «Лапоминк», «Сатурн» и «Венера» (в ряде документов они именовались транспортами), а также два пакетбота³⁶ – «Летучий» и «Почталион».

Артиллерию эскадры составляли 640 пушек. Помимо личного состава (3011 человек), на судах находились взятые сверх нормы десантные войска – 8 рот Кексгольмского пехотного полка и 2 роты артиллеристов, мастеровые для ремонта кораблей и артиллерии, в общей сложности 5582 человека.

26 июня 1769 г. эскадра Спиридова ушла в плавание.

Между тем в Париже и Мадриде начали грозить не пустить русскую эскадру в Средиземное море.

Франция имела большой и сильный флот. Она не только могла не пропустить русской эскадры на Средиземное море, но и направить свои корабли на Балтику и Черное море, что привело бы к непредсказуемым для России последствиям.

Однако в Петербурге помнили пословицу: «Враг моего врага – мой друг». Столь же хорошо помнила ее и Англия, которая уже много столетий была непримиримым врагом Франции. Только в XVIII в. между этими странами прошли три тяжелые войны 1702–1714 гг., 1744–1748 гг. и 1756–1763 гг. Тем не менее эти войны не только не разрешили кардинальные противоречия между противниками, но и усугубили их. Назревала новая война, началась она уже после окончания Русско-турецкой войны в 1778 г. и продолжалась до 1783 г.

Англичане любили воевать чужими руками и с большим удовольствием стравливали Россию с Людовиком XV. Кроме того, на внешнюю политику Лондона сильно влияла зависимость Англии от русской торговли. В 60–80-х годах XVIII века в русские порты ежегодно прибывало от 600 до 700 английских торговых судов.

В итоге в ходе первой турецкой войны 1768–1774 гг. Англия была достаточно надежным союзником России. Английские послы в Париже и Мадриде официально заявили, что «отказ в разрешении русским войти в Средиземное море будет рассматриваться как враждебный акт, направленный против Англии».

Во время прохождения русских эскадр в 1769–1774 гг. мимо берегов Франции и Испании поблизости сосредотачивались значительные силы британского флота. Англия предоставила свои порты для базирования и ремонта русских кораблей. Причем не только в метрополии, но и в порту Мак-Магон на острове Менорка, отошедшем к Англии по Парижскому миру, заключенному 10 февраля 1763 г.

В Средиземном море благожелательно к России относилось руководство Мальтийского ордена, смертельно ненавидевшее турок. Екатерина II послала туда послом маркиза Кавалькабо. Речь шла даже о совместном участии русского и мальтийского флотов в войне с турками. Однако позже из-за бестактного поведения маркиза на Мальте орден так и не вступил в войну с османами, но русский флот мог свободно базироваться на острове.

Фактически Мальта стала основной тыловой базой русского флота.

Второй важной тыловой базой стал «вольный порт Ливорно», формально принадлежавший герцогству Тосканскому.

Начиная с 1771 г. русские корабли эпизодически заходили в порт Мессина на севере Сицилии.

Главной же базой «архипелажного флота» графа Орлова стал порт Ауза на острове Парос. Кто предложил выбрать остров Парос главной базой русского флота – неизвестно. Во всяком случае, стратегически он выбран удачно. Парос принадлежит к Кикладским остро-

³⁵ Пинк – торговое судно, которое в Средиземном море часто называли барк. Пинк нес обычно 3 мачты с косыми, реже прямыми парусами. Характерное отличие – наклон крайних мачт в сторону носа (фок-мачта) и кормы (бизань-мачта).

³⁶ Пакетбот – от английского «почтовое судно». Предназначено для посыльной службы, перевозки почты и пассажиров. Для самообороны пакетботы имели до 16 пушек малого калибра.

вам (южная часть Эгейского моря) и находится в центре их. Таким образом, владея Паросом, можно легко контролировать Эгейское море и подступы к проливу Дарданеллы, до которого около 350 км. До ближайшей точки полуострова Малая Азия от Пароса 170 км, и туркам высадить десант с материка на остров невозможно, не обеспечив себе господства на море.

До прихода русских Ауза была небольшой греческой деревушкой. За несколько месяцев там были возведены форты, казармы, здание Адмиралтейства, верфь и даже... гимназия, где учились греческие мальчики.

В 1769–1770 гг. Екатерина отправила на Средиземное море три эскадры. Летом 1771 г. численность Архипелажного флота доходила до 50 вымпелов, в числе которых было 10 кораблей, 2 бомбардирских корабля, около 20 фрегатов разной величины, имевших от 16 до 24 пушек, 4 пинка, 1 пакетбот и 11 поляк и шебек, имевших от 12 до 20 пушек и фальконетов калибром от 0,5 до 14 фунтов.

8 мая 1772 г. из Ревеля вышли 4-я Архипелажная эскадра под командованием контр-адмирала В. Я. Чичагова. В ее составе был 80-пушечный корабль «Чесма» и два 66-пушечных корабля «Граф Орлов» и «Победа». 15 августа 1772 г. Чичагов привел эскадру в Ливорно, где передал командование капитану 1-го ранга М. Т. Коняеву, а сам вернулся в Россию. 4-я эскадра прибыла к берегам Греции 25 сентября 1772 г.

21 октября 1773 г. из Кронштадта вышла 5-я Архипелажная эскадра под командованием контр-адмирала С. К. Грейга. В ее составе были 74-пушечный корабль «Св. Великомученик Исидор», три 66-пушечных корабля «Дмитрий Донской», «Мироносиц», «Александр Невский» и два 32-пушечных фрегата «Павел» и «Наталия». 5-я эскадра опоздала. Она прибыла в Аузу только 6 сентября 1774 г., уже после заключения мира с Турцией.

В июле 1774 г. Россия и Турция заключили мир. Ряд отечественных историков, в том числе В. Шеремет, трактуют Кайнарджийский договор как «самый обширный и детализированный из всех русско-турецких договоров», и т. п.

Автор же склонен считать этот договор наспех сострепанным перемирием. Договор не только не решал ни один вопрос. Состояние отношений между Турцией и Россией оставались метастабильными, то есть любая мелочь могла вызвать лавину взаимных претензий и, соответственно, войну.

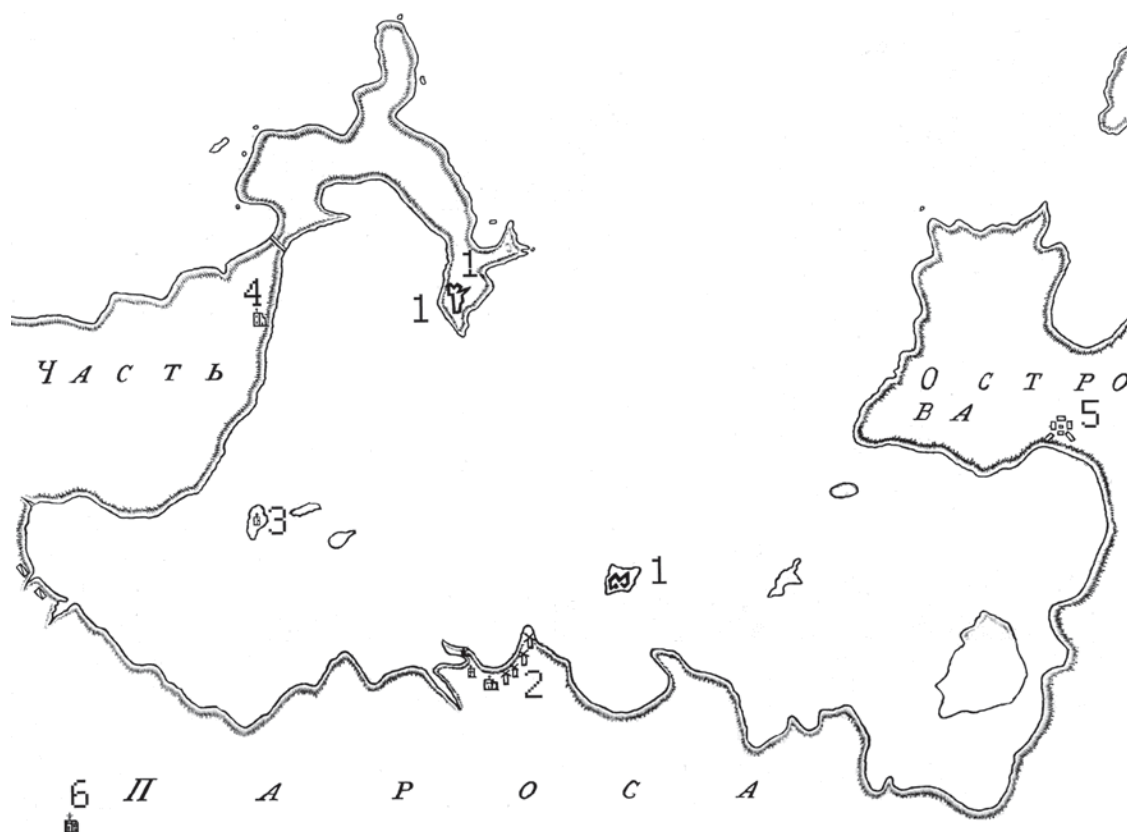
Выполнение многих артикулов договора было нереальным. России не запрещалось иметь флот, но ему негде было базироваться (из-за мелководья большие суда не могли базироваться в Азове и Таганроге).

Строгое и точное выполнение обеими сторонами артикула 3 по Крыму неизбежно вызвало бы возвращение Крыма под влияние Порты, то есть – к довоенной ситуации.

Эвакуация русского флота из Архипелага заняла почти целый год после подписания мира.

Екатерина предпринимала активные дипломатические усилия, чтоб если не вовлечь итальянские государства в войну с Османской империей, то, во всяком случае, обеспечить с их помощью снабжение русского флота. Увы, несмотря ни на что, вклад итальянских государств в обеспечение боевых действий русского флота был невелик и уступал поддержке Англии, мальтийских рыцарей и островных греков.

Война закончилась, но Екатерина понимала, что Кайнарджийский мир – лишь временная передышка, и она продолжала активно вести дипломатическую игру на Апеннинском полуострове.

Карта порта Аузы, состоявшего в северной части острова Пароса: описан мерою по берегу, и глубины промерены; с показанием в оном построенных батарей, магазинов, госпитальных и полковых светлиц, сделанных во время пребывания тамо Российского флота. (Реконструкция с подлинного чертежа XVIII века Ирины Осиповой) 1 – Форт; 2 – город Ауза; 3 – Адмиралтейство; 4 – Госпиталь; 5 – Светлицы (казармы) Шлиссельбургского полка; 6 – Монастырь Святых Петра и Павла

Рассказ о русской дипломатии в Италии мы начнем с Венецианской республики. Еще в 1762 г. в Лондоне прошли переговоры российского полномочного министра А. Р. Воронцова с венецианским посланником Морозини. Екатерина II утвердила назначение русского посланника в Венецию, которым стал маркиз Маруцци, грек по происхождению, принадлежавший к одной из самых богатых фамилий в Венеции, который, находясь на русской дипломатической службе, в то время занимал должность поверенного в делах России на Мальте. Весной 1768 г. императрица назначает Маруцци в Венецию и другие города Италии «для остережения и предохранения случающихся тамо наших дел и коммерции».

Рескриптом от 10 марта 1768 г. Маруцци предписывалось «стараться венецианских сенаторов и других в правлении больше участвующих персон преклонять, дабы они единодушно согласились на отправление сюда министра», убеждая их, что Россия «прямое и истинное намерение и желание имеет возстановить с Республикою добрую корреспонденцию и утвердить общепользную для обеих сторон трактат коммерции, ожидая только, чтоб со стороны Республики присылкою министра начало тому зделано было, чему и с здешней стороны соответствовано будет».

Любопытен патент (так тогда называли верительные грамоты), подписанный Екатериной II, который Маруцци вручил в ноябре 1768 г. сенату Венецианской республики. В нем среди прочего говорилось: «... понеже мы за потребно признали учредить российского поверенного в делах при... республике Венецианской и при других италийских областях для остережения и предохранения случающихся тамо наших дел и коммерции... и избрали

находящегося ныне здесь венецианского жителя маркиза Моруция в сие достоинство..., сим подписанным нашею рукою патентом комиссию даем, учреждаем и постановляем его российским поверенным в делах в Венеции и в других местах Италии и потому просим как светлейшую республику Венецианскую, так и прочие италийские области, а от их наместников и губернаторов склонно желаем, дабы помянутого маркиза Маруция за нашего поверенного в делах признавали и оному позволили сей чин совершенно и спокойно отправлять и все те права, привилегии и вольности ему акордовали».

Вступив в свои полномочия, Маруцци в реляции от 26 ноября 1768 г. сообщает в Петербург, что по случаю его аккредитации сенат оказал ему особые почести, «каковые только послам и посланникам протчих коронованных глав, а отнюдь не поверенным в делах акордуются». Однако он с сожалением отмечает, что венецианское правительство в связи с начавшейся русско-турецкой войной «остерегается от всякого поступка, могущаго привести его у Оттоманской Порты в подозрение». Видимо, из-за этого и задерживался выезд в Петербург дипломатического представителя Венеции.

Уже в ходе русско-турецкой войны Петербург решил наладить отношения с Сардинским королевством. С этой целью туда в мае 1770 г. был направлен министр 2-го ранга камер-юнкер Алексей Нарышкин. Он должен был, прибыв в Турин «в качестве партикулярного по собственной охоте путешествующаго дворянина», прежде всего «стараться о том, чтоб быть при дворе и министерству обыкновенным образом представлену, употребляя к тому посредство министра аглинскаго как нам союзнаго и дружественнейшаго двора или хотя самого венскаго двора». Нарышкину позволялось в разговорах с министром иностранных дел «отозваться партикулярным образом... что е. в. в разсуждении взаимной для обеих сторон пользы, также и по хорошим ея о короле мнениям, желала бы настоящую донныне между ими церемониальную переписку превратить в ближайшее соединение, почему она и не удалена прислать ко двору е. с. в. министра своего в публичном карактере, естли и он, с своей стороны, соответствуя... ея намерениям, согласится такой же поступок вместе и в одно с нею время зделать».

Если на русские предложения последует положительная реакция, Нарышкин должен был объявить о намерении своего правительства назначить его «первым... инструментом к начатию с туринским двором безпосредственнаго чрез взаимных министров сношения».

В январе 1771 г. Нарышкин прибыл в Турин. В соответствии с полученными указаниями он несколько раз встречался и беседовал с министрами сардинского правительства. В ходе этих встреч он смог выяснить позицию короля Карла-Эммануила I в части возможности установления двусторонних отношений. Сардинское правительство хоть и считало «союз» с Россией весьма целесообразным, но в самый разгар русско-турецкой войны воздержалась от каких-либо конкретных шагов в этом направлении.

В соответствии с полученной информацией, первоприсутствующий Коллегии иностранных дел Н. И. Панин писал 25 июля 1773 г. полномочному министру в Париже И. С. Бярятинскому, что сардинский король весьма «привязан к английским интересам», поэтому его министры ограничивались лишь общими разговорами о налаживании регулярных отношений с Россией, но дальше не пошли.

Россия вновь попыталась сблизиться с Сардинией на завершающем этапе русско-турецкой войны, перед заходом русской эскадры в порты Сардинского королевства. Соответствующий зондаж был проведен по всем дипломатическим каналам в Англии и Голландии. Сардинское правительство согласилось на прием русских судов в своих водах.

Со временем в Турине поняли, что от установления политических отношений с Санкт-Петербургом может получить и какие-то выгоды. Так, Виктор-Амадей III рассчитывал на поддержку русского правительства в вопросе расширения своих владений. Так что теперь уже Сардиния стала через частных лиц выяснять возможность установления официальных

отношений с Россией. В августе 1782 г. сардинское правительство решило направить в Петербург своего посланника маркиза ди Парелла.

В Петербурге же, понимая важное значение учреждению дипломатического поста в Турине, в сентябре 1782 г. направили посланником России в Сардинии известного дипломата Д. М. Голицына, бывшего в то время полномочным министром в Голландии.

Но скоро Д. М. Голицын вышел в отставку, и 7 января 1783 г. посланником в Турин назначается Н. Б. Юсупов, до этого выполнявший в Италии лишь отдельные дипломатические поручения. Инструкцией от 17 февраля 1783 г. Н. Б. Юсупову предписывалось по прибытии в Турин «ознакомиться с находящимися там других коронованных глав министрами второго ранга и отобрать у них точное достоверное сведение о порядке и образе обычного их при Сардинском дворе аккредитования, дабы ему в собственном своем узаконении поступить одинаково с ними».

Посланник должен был «внушать Сардинскому двору о пользе ближайшего его с Россией сношения, а до того о благосклонном приеме в его пристанях наших торговых судов и военных эскадр», ежегодно отправляемых в Средиземное море «для прикрытия и охранения начинающегося по оному непосредственного кораблеплавания россиян».

Н. Б. Юсупов добирался из Петербурга в Турин через Варшаву и Вену и прибыл к месту назначения 2 ноября 1783 г. Он в тот же день нанес визит госсекретарю по иностранным делам графу де Перрону. 4 ноября Юсупов вручил Виктору-Амадею III кредитивную грамоту, датированную 17 февраля, которая гласила: «Мы охотно желая распространить и утвердить с в. к. в. приязнь, доброе согласие и дружескую непосредственную переписку, за благо разсудили доказать то самым делом, отправя ко двору вашего величества нашего действительного камергера... князя Николая Юсупова в качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра».

Определенные трудности для русского двора представляло установление дипломатических отношений с Папской областью. В XVI–XVII веках в России Папскую область рассматривали как обычное светское государство и боролись с многочисленными попытками римских пап создать на ее территории религиозное представительство, так как это шло вразрез с законами Российской империи, где монарх являлся главой не только государства, но и православной церкви, а также светским и духовным главой всех своих подданных, к какому бы вероисповеданию они ни принадлежали. Решительно отстаивая свои позиции, русское правительство отказывалось официально признавать на территории Российской империи какую бы то ни было духовную власть и церковную иерархию, даже возглавляемую римским папой.

Еще при Петре Великом Россия, пытаясь установить дипломатические отношения с итальянскими государствами, большое значение придавала Папской области как центру католического мира. В 1707 г. Петр I направил к папе Клименту XI своего неофициального представителя дипломата Б. И. Куракина, в задачу которого входило выяснить намерения римского папы в отношении установления связей с Россией. Куракину поручалось добиться от папы отказа признать Станислава Лещинского польским королем. Также ему следовало самым скрупулезным образом изучить папский двор – его структуру, состав правительства, именовавшегося Римской Курией, направленность и цели его политики, а также осторожно выяснить возможности соглашения между двумя государствами при условии ограничения влияния римских пап на католическое население России.

Б. И. Куракин прожил в Риме три года. Он детально ознакомился с положением дел и сделал неутешительный вывод, что с папством достичь какого-либо компромисса невозможно. Русский дипломат в своих реляциях оценивал Римскую Курию как организацию, использовавшую религию в качестве политического инструмента, с помощью которого можно было вмешиваться во внутренние дела России. Римские папы настаивали на

предоставлении им как полной свободы религиозной пропаганды, так и права контроля над организационной и административной структурой всего православного и католического духовенства в России. Если бы требования престола св. Петра касались лишь церковных вопросов, соглашение, возможно, и состоялось бы. Но вот политические притязания Римской Курии заставили Петра I отказаться от своих намерений установить более тесные связи с Папской областью.

Тогда же был издан «Канонический, или церковный, статут Петра Великого», который заложил прочные основы политики России в отношении Святого престола. Этот «Статут Петра» действовал вплоть до 1769 г., когда был принят Регламент, определявший взаимоотношения между правительством и римской католической церковью в России, которая полностью подчинялась государственной юрисдикции. Назначение и смещение духовных лиц производилось только российским правительством.

Указом 1772 г. католической церкви в России запрещалось принимать папские буллы или иные послания без предварительного рассмотрения их Сенатом. То есть российское правительство не допускало вмешательства Рима во внутренние дела государства и в управление католической церковью в России под предлогом защиты религии. Это положение стало государственным законом России по делам римско-католической церкви.

Так что вопрос об установлении отношений между Россией и Папской областью так и оставался открытым. Немногочисленные связи с Римом поддерживались в основном через римских представителей на Мальте и в Польше, иногда приходилось прибегать и к услугам частных лиц. Например, в 1771–1772 гг. для переговоров с римским папой в Рим поехал неофициальный представитель российского правительства видный государственный деятель И. И. Шувалов. Целью его поездки было добиться отозвания из Польши папского нунция в связи с его русофобской деятельностью.

В 1772 г., после присоединения к России территории Западной Белоруссии, императрица Екатерина II назначила в ноябре 1773 г. епископом Могилевской епархии одного из преданных ей людей С. Сестренцевича-Богуша, который фактически стал во главе католической церкви в России. Сделано это было без согласования с римским папой.

В 1782 г. римский папа Пий VI дал свое согласие на назначение Сестренцевича архиепископом. На торжественную церемонию по случаю возведения Сестренцевича в архиепископы прибыл папский посол Аркетти. В январе 1784 г. в петербургском костеле состоялось посвящение, архиепископу был пожалован папским послом знак отличия нового духовного звания паллий – епископская мантия.

Чтобы освободить католическую церковь от влияния Святого престола, в ноябре 1784 г. российскому посланнику в Сардинии Н. Б. Юсупову, «отнюдь не в образе министра карактеризованного», было велено ехать в Рим, чтобы добиться согласия Римской Курии на пожалование Сестренцевичу кардинальского звания, а также признания самостоятельности католической церкви в России. Князь Юсупов за полгода своего пребывания в Риме лишь частично выполнил свою миссию. Так, Сестренцевичу в сане кардинала было отказано под тем предлогом, что он до 23 лет был кальвинистом. Но римский папа все же дал свое согласие на предоставление Сестренцевичу некоторой независимости от Рима. Духовные полномочия архиепископа были расписаны в августе 1786 г. в 29 статьях. В них оговаривалось, в каких пределах Сестренцевич мог разрешать церковные дела, канонически относившиеся к ведению папы.

Ратуя за расширение торговых связей с итальянскими государствами, российское правительство решило учредить в Папской области консульство. Кандидатом на должность консула стал итальянский банкир Г. Сантини, который в годы первой русско-турецкой войны уже «был употреблен в консульскую должность... и исправлял разные поручаемые ему комиссии». В октябре 1781 г. Сантини был принят на русскую службу. 8 декабря 1781 г. ему

была выдана инструкция, в которой обосновывались причины создания консульства: «Ее императорское величество, имея всегдашнее попечение о лутчем основании и распространении непосредственной торговли подданных ея в портах Средиземного моря, высочайше соизволила повелеть учредить вас консулом в Риме и Чивитавеккии городах – владениях церковной области». Сантини поручалось также сообщать в Петербург «о всех важных произшествиях Римского двора, когда оныя к общим публичным делам некоторое отношение иметь будут». 23 марта 1782 г. Сантини получил консульский патент.

Но российского дипломатического представителя в Риме по-прежнему не было. Необходимость в получении достоверной информации из центра католической Европы заставила российское правительство воспользоваться услугами каноника В. Пинто Полония, который, начиная с 1781 г., в качестве «наблюдателя» в течение 20 лет сообщал в Коллегию иностранных дел сведения о церковной политике римских пап, о внутреннем положении Римской Курии, взаимоотношениях престола Святого Петра с другими итальянскими государствами и другую важную информацию. Так что в Петербурге были хорошо осведомлены о всем происходившем в Риме, что давало возможность своевременно принимать верные решения.

Однако борьба за влияние на католическую церковь в России и вмешательство Рима во внутренние дела России не ослабевали. Святой престол по-прежнему требовал разрешения направить в Россию своего посла «для блага религии и для дарования е.и.в. нового доказательства... высокого к ней уважения». Екатерина II в принципе не противилась прибытию в Петербург папского представителя, но потребовала предварительно известить ее о характере его миссии и полномочиях. Но вопрос этот так из-за смерти императрицы и остался открытым.

В 1776 г. в связи с развитием торговых отношений между Россией и Тосканой в Петербурге решили учредить пост морского генерального комиссара «во всех итальянских торговых пристанях». Коллегия иностранных дел предложила на этот пост находившегося ранее на службе в Коммерц-коллегии Д. Моцениго, по происхождению венецианца, участника русско-турецкой войны. В указе от 20 июля 1776 г. по поводу его назначения говорилось: «Как в разсуждении оказанных нам услуг армии нашей подполковником графом Дмитрием Моценигою во время бытности морских наших сил в Архипелаге и протчих неприятельских водах, так равно для поспешествования и разпространения заводимой в италианских областях нашими подданными непосредственной торговли признали мы за нужно назначить его... нашим морским генерал-комиссаром во всех итальянских торговых пристанях». Моцениго получил патент, которым удостоверялось, что он назначен «российским морским генерал-комиссаром... как во всей Италии вообще, так и при каждой ея области... а имянно: у тех, где вы свое пребывание возимеете...» В инструкции от 6 августа 1776 г. ему разъяснялось: «У протчих же италианских торговых городов можете вы акредитовать себя сообщением им при писмах своих копий с онаго патента».

В «наставлении» Коммерц-коллегии учреждение поста российского генерального комиссара в Италии обосновывалось следующим образом: «В силу заключенного 1774 года с Портою Оттоманскою мирнаго трактата российские корабли из Чернаго моря чрез Дарданеллы во весь Левант и Средиземное море с нашими российскими продуктами могут ходить и торг непосредственной производить; то и надлежит вам наблюдать, чтобы мореплавание наших купцов имело свою ползу, удачливость и прибыль как в разсуждении привозимых, так и отвозимых товаров».

Моцениго выехал из Петербурга в августе 1776 г. и через Вену и Пизу в октябре прибыл к месту службы во Флоренцию, где вручил патент, датированный 20 июля, госсекретарю по иностранным делам Пикколомини. Но тот, ознакомившись с содержанием патента, заявил, что без сопроводительного письма императрицы Екатерины II великому герцогу Тосканскому миссия Моцениго может рассматриваться только как консульская, и, таким обра-

зом, он не сможет быть допущен на аудиенцию к герцогу. Моцениго, оказавшись в такой сложной ситуации, не решился настаивать на предоставлении ему дипломатических прав и привилегий и сказал, что главная цель его визита – оказание содействия развитию торговли между двумя государствами. Через два месяца, в январе 1777 г., Моцениго как частному лицу все же удалось добиться аудиенции у герцога. Но, не получив аккредитации при герцоге Тосканском, он уехал из Флоренцию в Пизу, где через губернатора Ливорно ему был возвращен патент.

После учреждения поста российского поверенного в делах в Генуе по указу от 28 июля 1782 г. Моцениго также был назначен поверенным в делах России во Флоренции. В инструкции ему, подготовленной в Коллегии иностранных дел 17 января 1783 г., были сформулированы причины, побудившие Петербург установить дипломатические отношения с Тосканой: «Ея императорское величество, желая, с одной стороны, подать е.к.в. ерцгерцогу Тосканскому явный опыт высочайшего своего благоволения и приязни, а, с другой, умножать и распространять политическую России связь с италианскими государями и владениями, за благо признала определить вас в качестве поверенного в делах во Флоренции...».

В начале августа 1783 г. Моцениго вручил великому герцогу Леопольду письмо Екатерины II, датированное 17 января 1783, содержащее просьбу аккредитовать его в Тоскане в качестве поверенного в делах России. Тогда же было передано письмо И. А. Остермана аналогичного содержания Пикколомини, в котором вице-канцлер, со своей стороны, выражал уверенность, что российский дипломатический представитель будет принят во Флоренции должным образом.

30 августа 1783 г. тосканский герцог известительной грамотой уведомил Екатерину II о состоявшейся аккредитации Моцениго.

2 августа 1785 г. полномочным министром Тосканы в Петербург был назначен находившийся там австрийский дипломат И. Зедделер. Назначение это кажется несколько необычным, но Тоскана была владением австрийского императора Леопольда II, являвшегося одновременно великим герцогом Тосканским. Поэтому интересы Тосканы в других странах, за исключением Вены и Парижа, обычно представляли австрийские дипломаты.

В 60–70 годы XVIII века Россия делала попытки наладить связи по дипломатическим каналам в Вене с морским и торговым олигархическим государством – Генуэзской республикой. Но австрийское правительство всеми силами противодействовало этому сближению. Генуэзский посол в Вене Д. М. Дориа в своем докладе в 1775 г. подчеркивал, что Вена «чрезвычайно ревниво относится к усилению России, особенно после заключения тесного союза русского двора с берлинским, устанавливавшего между ними равновесие и являвшегося орудием борьбы против австрийского влияния в Германии». Помимо того, Австрия и в особенности Франция, которая являлась главным торговым партнером Генуи и оказывала сильное влияние на политическую ориентацию Генуэзской республики, крайне отрицательно относились к присутствию российского флота в Средиземном море.

Указом от 21 сентября 1781 г. «для пользы службы нашей как по торговой, так и политической частям, мы разсудили за благо, кроме министра нашего в Неаполе, поверенного в делах в Венеции и генерального морского комиссара в великом княжестве Тосканском, иметь поверенного в делах в Генуе как при тамошней Республике, так и при других областях по способности к тому же месту лежащих. В сем звании повелеваем отправить флота нашего капитана первого ранга Александра Мордвинова», причисленного к штату Адмиралтейской коллегии.

Мордвинов отправился из Петербурга к месту службы через Варшаву, Вену и Венецию и 1 июля 1782 г. прибыл в Геную. 4 июля ему нанес визит статс-секретарь Борелло, который принял у Мордвинова «оригинальный патент» от 18 марта 1782 г., в котором говорилось о принятом петербургским кабинетом решении учредить пост российского поверенного в

делах «при светлейшей Республике Генуеской и при других с нею смежных италийских областях для остережения и предохранения случающихся тамо наших дел и торговли, дабы подданные наши туда приезжавшие для отправления купечества своего могли находить нужное руководство и вспоможение».

Мордвинов сообщал в Петербург, что в Генуе «пребывают в совершенном спокойствии и равнодушии в разсуждении внешних Европы дел, а оттого и невозможно почти ничего достойного примечания слышать, кроме общих газет». Ознакомившись с обстановкой в стране, Мордвинов представил краткое описание «системы здешнего правления». В своих донесениях он сообщал также об учреждении генуэзского банка и заходе русских кораблей в порты Генуи, о выборах дожа, отношениях Генуэзской республики с другими государствами, торговле и т. д.

Как видим, инициатива в установлении дипломатических и торговых отношений России с итальянскими государствами принадлежала исключительно Екатерине II. Итальянские же правители вели себя достаточно пассивно, а иной раз и сопротивлялись предложениям императрицы.

Глава 6

Похождения русского Арамиса

В 1731 г. случилось полковнику Вишневному проезжать через село Чемер в Малороссии. В местной церкви он услышал приятный голос певчего Алексея Розума, сына свинопаса, и взял с собой в Петербург. Обер-гофмейстер двора Анны Иоанновны Левенвольд принял Алексея Розума в придворный хор, там-то его увидела и услышала Елизавета Петровна, пленившись его голосом и приятной внешностью. Познакомившись ближе, Елизавета обнаружила у него и иные достоинства. Она выпросила Алексея у тетушки Анны и зачислила в свой штат обслуги. В 1740 г. Алексея произвели в камер-юнкеры и поменяли малороссийскую фамилию «на более пристойную» – Разумовский.

Сразу же после переворота 1741 г. Алексей Разумовский стал камергером и генерал-поручиком. В течение 1742 г. он стал кавалером орденов Св. Анны, Андрея Первозванного и Св. Александра Невского. В 1744 г. он получил графское достоинство, а в 1756 г. стал генерал-фельдмаршалом.

Но это, так сказать, официальные награды. Главной же неофициальной наградой стало тайное бракосочетание в 1742 г. с императрицей Елизаветой Петровной.

Не остался без дела и младший брат Алексея Разумовского Кирилл. Его в 22 (!) года веселая Елизавета сделала гетманом Малороссии. Почесали казаки чубы, да и согласились – лучше такой хлопец, нежели малороссийская коллегия.

Сын Кирилла Андрей в карьерном росте не отставал от отца и дяди. В 20 лет он был уже камер-юнкером при дворе Ее Величества и капитан-лейтенантом флота. Каким-то хитрым способом ему удалось добиться назначения командиром пакетбота «Быстрый», который должен был перевезти из Любека в Кронштадт невесту цесаревича Павла принцессу Вильгельмину Гессен-Дармштадтскую.

В мае – июне 1773 г. пакетбот под конвоем двух фрегатов перевез принцессу через беспокойную Балтику. По дороге Вильгельмина влюбилась в Андрея и... лишилась невинности.

23 сентября 1773 г. она под именем Натальи Алексеевны вступила в брак с цесаревичем Павлом Петровичем, ну а граф Андрей Кириллович стал другом семьи.

15 апреля 1776 г. двадцатилетняя цесаревна скончалась при родах. Злые языки утверждали, что ее смерть была подстроена Екатериной II, недолюбливавшей невестку. Во всяком случае, императрица просветила сына по поводу отношений Натальи и Андрея, а заодно и отдала пачку писем нашего Арамиса.

27 апреля того же года Андрей был сослан в Ревель, но это было слишком близко от Петербурга и расвирепевшего Павла. Сослать шалуна в Малороссию? Но там он тоже может натворить бед. Решит из себя корчить нового Хмельницкого или еще чего? А не послать ли развратника куда подальше? И гнить бы Андрею на Камчатке, если бы не заслуги отца – активного участника переворота 1762 г. Ну, не на Камчатку, так в... Неаполь, где граф в полной мере мог применить все свои способности.

В 1768 г. неаполитанский король Фердинанд женился на шестнадцатилетней Марии-Каролине, дочери австрийского императора и сестре французской королевы Марии-Антуанетты. Мария-Каролина отличалась необыкновенной красотой, но была развратна и честолюбива. К 1776 г. она уже стала полной хозяйкой королевства, «положив под каблук» своего безвольного мужа и добившись увольнения министра Таннучи, верного союзника Франции. В 1777 г. Мария-Каролина отправила в Россию первого неаполитанского посла Муцио да Гаэта, герцога Сан-Николо.

1 января 1777 г. Н. И. Панин уведомил А. К. Разумовского о его новом назначении: «Как между нашим... и Неаполитанским дворами соглашено для ближайшего дружественного сношения и установления непосредственной переписки содержать взаимных министров и оные именовать сего числа, то ее императорскому величеству... угодно было сего дня назначить ваше сиятельство к Неапольскому двору в качестве своего полномочного министра».

В апреле 1777 г. Разумовский выехал из Петербурга к месту своей службы через Варшаву, он остановился в Вене, где ожидал известий о назначении нового неаполитанского представителя в Петербург. Но назначенный в январе 1778 г. Франческо д'Аквино Караманико довольно скоро отказался от своего поста. На вакантную должность полномочным министром был назначен герцог Сан-Никола, который прибыл в Россию в октябре 1778 г., а в Петербург – лишь осенью 1779 г. Так что из-за задержки выезда неаполитанского дипломата Разумовский прожил в Вене целых три года.

Андрей Кириллович приехал в Неаполь лишь в конце 1779 г. и сразу же по прибытии вручил Фердинанду IV верительную грамоту, датированную еще 20 января 1777 г. Она гласила: «Мы охотно желая разпространить и утвердить с е.к.в. приятель, доброе согласие и дружескую непосредственную переписку, за благо разсудили доказать то самым делом, отправя ко двору в.в. нашего генерал-майора... графа Андрея Разумовскаго в качестве полномочного министра...»

Поначалу русского посла встретили при дворе довольно прохладно. К этому времени Мария-Каролина была увлечена 42-летним английским авантюристом Джоном-Эдуардом Антоном. Тот начал службу в британском флоте, но карьера не удалась. Зато он преуспел в опереточном тосканском флоте, и оттуда Мария-Каролина переманила его в неаполитанский флот.

Граф Косаковский писал, что по прибытии в Неаполь Разумовский стал выяснять у придворных, почему все восхваляют прелести Марии-Каролины? Ведь у нее плоский зад, толстая талия и вислая грудь! «Шалунишка Андре» знал женщин и талантливо просчитал ситуацию. «Этот слух, разумеется, дошел до королевы: он задрал за живое женское и царское самолюбие. Опытный и в сердечной женской дипломатике, Разумовский на это и рассчитывал. Чрез месяц он был счастлив». Так внук украинского свинопаса заимел новую ценную любовницу, а Российская империя – якорные стоянки для флота.

Для многих в Европе эта связь казалась романтической. В конце XVIII века французский граф де Ферзен, много лет влюбленный в казенную сестру неаполитанской королевы Марию-Антуанетту, так описал своей сестре встречу с Разумовским. «В дверях я обнял его. Он все понял, глаза его заблестели. Как много разбитых сердец, погубленных жизней, уничтоженной красоты! Стоя в дверях, мы беседовали почти час – два человека с погибшими сердцами. Мы заговорили о Них. О сестрах. О самых дорогих нам на свете».

Но многие в Европе посчитали эту связь опасной. Усиление российских позиций в Средиземноморье, густо замешанное на «мужеском естестве» графа Андрея, беспокоило Испанию и Францию. И снова «шалунушку» едва не погубили письма. Испанский агент, кардинал Лас-Казас, получив копии с нескольких писем королевы к Андрею Кирилловичу, передает их мужу-рогоносцу – королю Фердинанду IV.

Услышав упрёки, Каролина, как настоящая женщина, перешла от обороны к наступлению, и после бурной семейной сцены со слезами и истерикой Фердинанд покарал «клеветников» и «осыпал Разумовского новыми милостями».

Екатерина II, видимо, была в восторге. «Передайте неаполитанскому королю, что граф Разумовский проказник, которого не нужно баловать, и что это я ему говорю, и вы увидите, что он будет доволен!» – писала она президенту Коллегии иностранных дел Ивану Остерману.

Во многом благодаря дипломатии Разумовского в 1787 г. заключается русско-неаполитанский торговый договор. В Россию поплыли лимоны (которые использовались тогда главным образом для дубления кожи), а также орехи, изюм, оливковое масло, кораллы, вино. Из России в Неаполь – древесина, железо, зерно, кожа, воск, икра.

Главной же задачей русских дипломатов, как и в ходе Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., было обеспечение базирования русских кораблей на Средиземном море.

Так, осенью 1776 г. в порты Ливорно и Мессина заходили пять русских фрегатов («Натали», «Северный Орел», «Св. Павел», «Констанция» и «Григорий»). Екатерина II хотела их под видом торговых судов провести на Черное море, однако турки не желали усиления Черноморского флота и отказались пропустить фрегаты через Проливы. Поэтому нашим фрегатам пришлось пробыть почти два года в итальянских портах, и лишь 13 марта 1779 г. они покинули Ливорно и отправились на Балтику.

В 1779–1783 гг. в Атлантике и Средиземном море шли ожесточенные боевые действия.

В феврале 1778 г. король Луи XVI признал независимость Соединенных Штатов и подписал с ними торговый договор. Британский Кабинет немедленно разорвал дипломатические отношения с королевством, а в июне 1778 г. объявил Франции войну. В том же июне Англия объявила войну Испании, а в декабре – Голландии. Французский флот состоял из 80, а испанский флот – из 60 кораблей, против которых Англия могла выставить около 150 кораблей, так что силы были почти равны.

Однако союзники действовали несогласованно, и господство на море осталось за англичанами. Британские военные корабли и каперы нападали и грабили торговые суда всех стран Европы, вызывая возмущение нейтральных стран. Представителям нейтральных стран, в том числе и российскому посланнику в Лондоне И. М. Симолину, приходилось неоднократно требовать от английского правительства «изъяснений» по поводу нападений военных кораблей британского флота на их торговые суда. Всего за время войны Англия захватила 17 русских судов.

Терпение Екатерины II лопнуло, когда в начале января 1780 г. испанцы захватили в Средиземном море два русских торговых судна – «Конкардию» и «Св. Николая» – и отвели их в Кадикс. Реакция из Петербурга была мгновенной. Императрица не ограничилась требованием от поверенного в делах Испании в России официальных объяснений и извинений за оскорбление российского флага. 27 февраля (9 марта) 1780 г. на имя русского посла во Франции князя И. С. Барятинского был отправлен высочайший рескрипт, в котором говорилось: «...признали Мы необходимым... прежде чем оскорбление Российского торгового флага преобразится в вредную привычку, употребить с своей стороны к совершенному ограждению и обеспечению его, все от нас и державы нашей зависящее пособия, с твердым однако ж предположением свято и ненарушимо согласовать оные в продолжение настоящей войны с правилами строжайшего нейтралитета».

К рескрипту прилагалась «Декларация о вооруженном нейтралитете», в которой говорилось, что для освобождения морской торговли от притеснений императрица «считает обязанностью объявить правила, которым будет следовать, и для поддержания которых и покровительства чести российского флага и безопасности торговли ее подданных, противу кого бы то ни было, она повелит выступить в море со значительной частью своих сил».

24 апреля 1779 г. бригадир С. П. Хметевский вывел из Ревеля отряд в составе двух кораблей и одного фрегата и повел их к северному побережью Норвегии. Там у мыса Варде 7 июля Хметевский соединился в отрядом из двух кораблей и двух фрегатов, вышедшем из Архангельска (там они были и построены). К концу навигации объединенная эскадра Хметевского вернулась в Кронштадт.

11 июня 1780 г. из Кронштадта вышли сразу три отряда. Бригадир Н. Л. Палибин повел четыре корабля и фрегат к берегам Португалии. Зимовали три корабля и фрегат в Лиссабоне,

а корабль «Дерись» – в Портсмуте. «Дерись» вернулся в Кронштадт в июне, а остальные суда – 15 июля 1781 г.

Второй отряд (пять кораблей и один фрегат) контр-адмирал И. А. Круз повел на крейсерство в Северное море. Вернулся он 8 октября 1780 г.

Третий отряд в составе пяти кораблей и двух фрегатов контрадмирал И. А. Борисов повел в Средиземное море.

В октябре 1780 г. четыре корабля и два фрегата прибыли в порт Ливорно. Еще один корабль – «Слава России» – не дошел до Ливорно и разбился на скалах в 8 милях от Тулона.

18 апреля 1781 г. эскадра Борисова вышла из Ливорно и отправилась в обратный путь. Навстречу ей 26 мая 1781 г. из Кронштадта вышла эскадра контр-адмирала Я. Ф. Сухотина в составе пяти кораблей («Пантелеймон», «Виктор», «Не тронь меня», «Европа» и «Память Меркурия») и двух фрегатов («Воин» и «Мария»). В августе 1781 г. эскадра Сухотина бросила якорь в Ливорно. Перезимовав, 2 мая 1782 г. эскадра отправилась из Ливорно домой.

Опять 20 июня навстречу Сухотину вышла эскадра В. Я. Чичагова из пяти кораблей («Константин», «Давид», «Святослав», «Иануарий» и «Победоносец») и двух фрегатов («Патрикий» и «Слава»).

В октябре 1782 г. эскадра Чичагова прибыла в Ливорно. Русскую эскадру посетил великий герцог тосканский Леопольд с сыновьями, в числе которых был и будущий император Франц I. Отдельно приезжал на эскадру и австрийский император Иосиф II.

Один из русских кораблей ходил с секретным визитом в Неаполь. Необходимость защиты русского торгового судоходства отпала 20 января 1783 г., когда в Версале были подписаны предварительные условия мира. Но лишь 13 мая 1784 г. русская эскадра отбыла из Ливорно на Балтику.

Вообще говоря, вояжи русских торговых судов на Средиземное море за год исчислялись десятками, и стоимость отправки туда русских эскадр на порядок, если не больше, была больше прибыли от всей средиземноморской торговли за 1780–1783 гг. Но вооруженный нейтралитет был для Екатерины II поважнее содержания эскадр на Средиземном море.

Принципиальная разница в ситуации на Средиземном море между 1769–1775 гг. и 1780–1784 гг. была в том, что если в первом случае основными базами русского флота были греческие и английские порты, а итальянские – вспомогательными, то теперь русские эскадры базировались исключительно в Италии.

В 1784 г. Екатерина II отзывает Разумовского из Неаполя. О причинах этого можно только гадать. По одной версии – ей нужен был опытный дипломат в Стокгольме, а по другой – она боялась, что Андрей надоест Марии-Каролине. Возможно, есть связь и с уходом русских кораблей в мае 1784 г. из итальянских портов.

Что же касается Марии-Каролины, то она вернулась к своему прежнему любовнику Джону Актому – адмиралу неаполитанского флота.

21 августа 1787 г. турецкие суда без объявления войны атаковали в Днепро-Бугском лимане фрегат «Скорый» и бот «Битюг». Русский посол в Стамбуле Алексей Обрезков был заключен в Семибашенный замок.

Екатерина Великая решила вновь вернуться к плану двадцатилетней давности – подпалить османов с четырех концов.

На сей раз она готовила к походу в Средиземное море 18 кораблей, 6 фрегатов и 2 бомбардирских корабля.

Первый отряд Средиземноморской эскадры Грейга 5 июня 1788 г. вышел из Кронштадта и направился в Копенгаген. В его составе были три новых 100-пушечных корабля: «Иоанн Креститель» («Чесма»), «Три Иерарха» и «Саратов», 32-пушечный фрегат «Надежда», а также несколько транспортов. Командовал отрядом вице-адмирал Виллима Петрович Фондезин (фон Дезин).

Но тут шведский король Густав III объявил войну России, и новая «Архипелажная эскадра» вынуждена была остаться на Балтике.

Еще в марте 1788 г. Екатерина назначила командующим сухопутными силами на Средиземном море 53-летнего генерал-поручика Ивана Александровича Заборовского. У нее на эту должность был еще один кандидат – генерал-поручик Михельсон. Но императрица рассудила, что Михельсон – лютеранин, а грекам ближе будет православный генерал. К тому же у Михельсона подагра, да и в 1774 г. Заборовский ближе, чем другие генералы из армии Румянцева, подошел к Константинополю. К началу 1788 г. он был губернатором во Владимире и Костроме.

Заборовский, по прибытии на Средиземное море, должен был поступить в подчинение к адмиралу Грейгу, но из-за начала войны со шведами ему пришлось действовать самостоятельно.

Часть сухопутных войск на Средиземное море планировалось доставить из России с эскадрой Грейга и посуху через Австрию, а часть нанять на месте.

В инструкции Заборовскому, подписанной Екатериной 7 марта 1788 г., среди агентов, призванных заниматься вербовкой добровольцев на Балканах, были названы майор грек Л. Сотири и подполковник албанец П. Бицилли. Оба они поступили на русскую службу во время предыдущей русско-турецкой войны. В их задачу входило набрать для эскадры Грейга тысячу добровольцев из албанцев и греков. «Оба они, – говорилось в инструкции, – сверх того послужить могут к возбуждению химариотов, эпиротов и других на действия против неприятеля».

В частной беседе со своим секретарем А. В. Храповицким императрица заявила: «Греки могут составить Монархию для Константина Павловича; и чего Европе опасаться; ибо лучше иметь в соседстве Христианскую державу, нежели варваров; да она и не будет страшна, разделясь на части». Екатерина имела в виду, что из бывших владений в Европе предполагалось образовать два государства – Греческую империю и Дакию.

Летом 1788 г. Заборовский прибыл во Флоренцию и немедленно занялся вербовкой наемников. 1 июня 1789 г. Заборовский пишет Екатерине: «По приезде в Италию я послал обер-офицера на Мальту, а штаб-офицера в Тоскану, где [он] осмотрел набранные на службу 70 корсиканцев, и их отправили в Сиракузы, а бригадиру Мещерскому предписал воздержаться от их дальнейшего набора».

Чем Заборовскому не угодили корсиканцы, остается загадкой. Об этом факте и не стоило бы упоминать, если бы неприязнь нашего генерал-поручика не изменила бы историю человечества. В начале 1789 г. Заборовский получил прошение о приеме на русскую службу от младшего лейтенанта французской армии, служившего в Валансе. Звали лейтенанта Наполино Буона Парте. Двадцатилетнему корсиканцу из семьи адвоката явно не светила карьера в королевской армии, а о том, что через несколько недель падет Бастилия, в Валанской глухомани и помыслить никто не мог. Но, увы, Заборовский резко отклонил просьбу Наполино. Тут была и неприязнь к корсиканцам, да еще этот молокосос просил сразу чин майора.

Императрица сыпала Заборовскому деньги как из рога изобилия. Только 14 марта 1788 г. через Триест отправили 17 тысяч червонцев.

А вообще, зачем собирал волонтеров Заборовский? Ведь уже было ясно, что эскадра Грейга не придет. Ну, если шведы не пустят эскадру с Балтики, то ее нужно создать на Средиземном море, решила императрица.

29 сентября 1788 г. Заборовский из Ливорно писал в Петербург графу Безбородко: «Для составления флотилии из арматоров наших я не упустил ни одного случая, где только можно позволить вооружаться, так до сих пор дал два патента судам, находящимся в здешнем море..., но недостает в здешних водах наших корсаров».

Порт Ливорно всюду использовался русскими, но он был слишком далек от Архипелага, да и терпение герцога Тосканского не безгранично. Поэтому для снаряжения и базирования корсарских судов использовался порт Триест в Адриатическом море и Сиракузы на острове Сицилия на берегу Ионического моря.

История появления на Средиземном море корсарской флотилии Ламбро Качиони темна и загадочна.

Еще в 1769 г. в числе десятков других корсарских судов в Архипелаге действовал и «фрегат» братьев Качиони (Качонисов). В 1770 г. в морском бою с турками погиб старший Качиони, а пиратский «фрегат» был потерян. После этого Ламбро поступил в русский Егерский корпус и участвовал в ряде десантов русского флота. Однако кончил войну он лишь сержантом. В 1775 г. Ламбро переселяется в Керчь. В 1777–1778 гг. сержант Качиони отличился в подавлении татарских бунтов и получил офицерское звание. В 1781 г. поручик Качиони командирован в Персию под начальством графа Марка Войновича.

21 апреля 1785 г. указом Екатерины II Качиони был «пожалован в благородное российское дворянство и внесен во вторую часть Родословной книги Таврического дворянства». А в следующем году президент Военной коллегии князь Потемкин «за заслуги в Персидской экспедиции» произвел Качиони в чин капитана (армейского).

С началом войны Качиони сколотил отряд греков, который в ночь с 10 на 11 октября 1787 г. недалеко от Гаджибея на лодках захватил большое турецкое судно. Оно и было названо «Князь Потемкин Таврический». Дюжина пушек, 60 лихих парней и отважный капитан Ламбро – чего еще надо? Славно порезвился «Потемкин» на Черном море!

Естественно, что лихому корсару было скучно и неприбыльно на Черном море. Ему удалось добиться поддержки всемогущего Потемкина. А вот деньги на покупку судов и на прочие расходы Ламбро в складчину дали контр-адмирал Н. С. Мордвинов, генерал-майор Маринов, бригадир Бентон и ряд других лиц. Таким образом, предприятие задумывалось не как военное, а как чисто коммерческое, то есть господа комиссионеры рассчитывали получить большие проценты от вложенного капитала.

В январе 1788 г. Качиони получил от Потемкина длительный отпуск и три патента для каперских судов, действующих под русским флагом. В феврале 1788 г. через Вену Ламбро добрался до Триеста, единственного австрийского порта на Средиземном море. Австрия была союзницей России и смотрела сквозь пальцы на деятельность русских корсаров в Триесте.

В Триесте Качиони покупает купеческое трехмачтовое судно с парусной фрегатской оснасткой, вооружает его 28 пушками и называет «Минерва Севера».³⁷ 28 февраля Качиони писал Потемкину, что на днях в Триесте побывал австрийский император Иосиф II. Он осмотрел стоявшие в порту суда и заявил, что у Качиони судно лучше всех. Далее Качиони сообщал, что «Минерва Севера» скоро отправится «крейсировать».

23 апреля 1788 г. Качиони, находясь на фрегате «Минерва Севера» у берегов Кефалонии, докладывал Потемкину, что в Архипелаге он взял на abordаж два турецких кирлангича, вооруженных один шестью, а другой двумя пушками. Качиони переделал их в корсарские суда, поставив на большом – 22 пушки, а на малом – 16, и отправился с ними крейсировать далее.

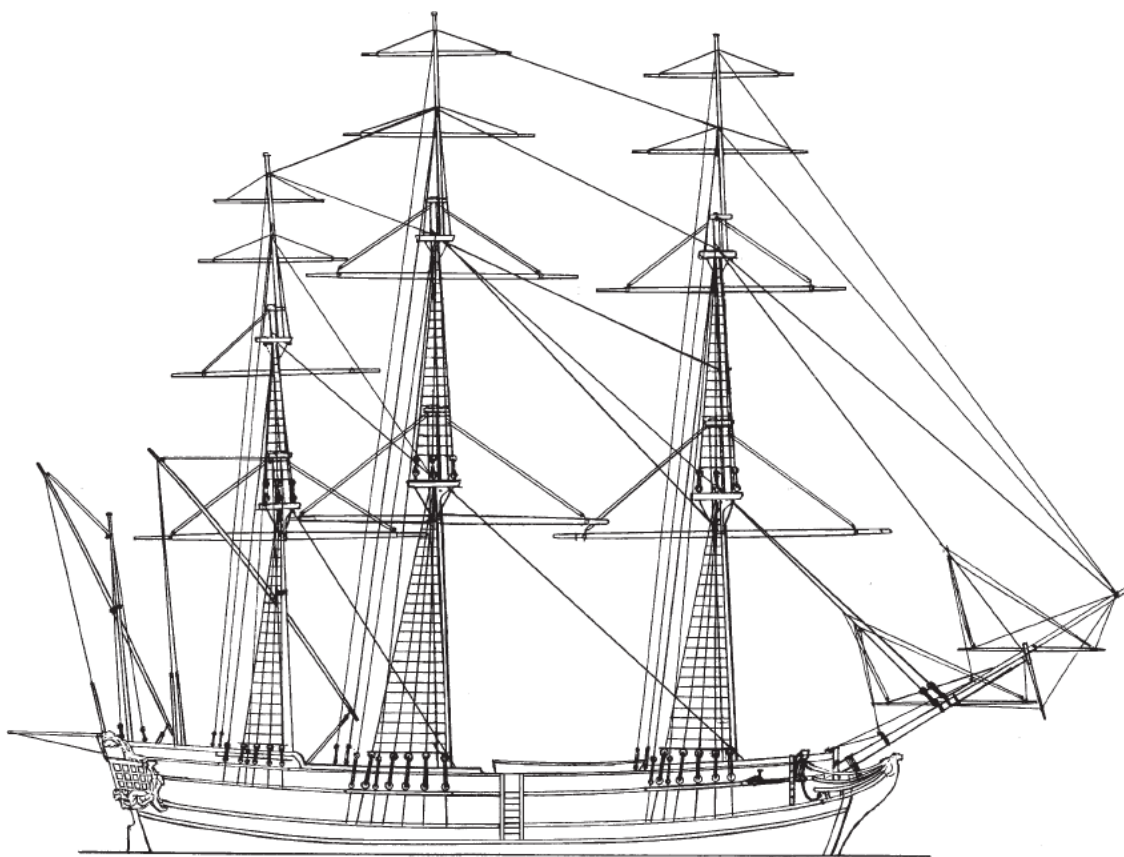
Флотилия Качиони быстро увеличилась. 24 июля 1788 г. ему удалось захватить неприступную турецкую крепость Кастель Россо на острове Климес у восточного берега Кипра.

³⁷ Обратим внимание на знание политеса пиратом. На Черном море у него было крейсерское судно «Князь Потемкин Таврический», а на Средиземном – «Минерва Севера», названное в честь Екатерины Великой. Вообще-то Минерва – римская богиня мудрости. Французские философы лгиво называли Минервой Севера Екатерину, а она отвечала деньгами и роскошными шубами.

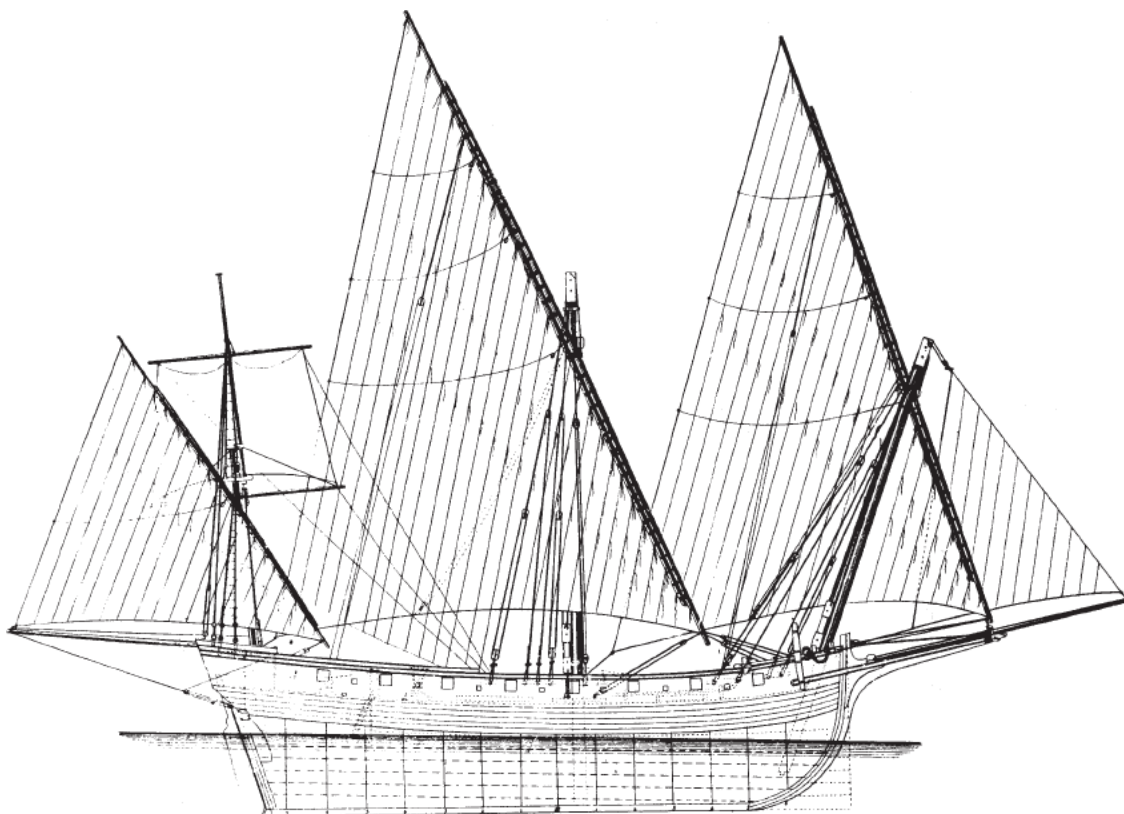
Основными портами флотилии Качиони оставались Триест и Мальта. Так, в октябре 1788 г. его суда около месяца стояли в Ла-Валетте. Любопытно, что российским поверенным в делах еще в 1784 г. стал бригадир грек Антонио Псаро, старый пират, участник первой войны. Мальтийский орден сильно зависел от Екатерины в финансовом отношении, так как в Польше шел спор о владении огромными имениями, о так называемом острожском наследстве, между Мальтийским орденом и польскими магнатами.

В декабре 1788 г. Качиони пришел в Триест с девятью корсарскими судами и девятью захваченными турецкими.

Между тем генерал-поручику Заборовскому удалось сформировать в Сиракузах, то есть на территории Неаполитанского королевства, «легкую российскую флотилию» под командованием Гульельма Лоренца. До этого Лоренц был мальтийским пиратом. В апреле 1789 г. контр-адмирал Гибс, находясь в Италии, познакомился с Лоренцем и принял его на русскую службу в чине капитана 2-го ранга.

Фрегат «Минерва Севера»

Шебека

В нее вошли три фрегата, пакетбот, три шебеки, полака и кирлангич.³⁸

23 июля 1789 г. эскадра Лоренца в составе 9 судов между островами Зея и Сира встретила с турецкой эскадрой, в которой было три 66-пушечных корабля, пять 20-пушечных кирлангичей и две полугалеры. По донесению Лоренца два дня шла перестрелка, а затем турки ушли. На самом же деле два дня турки преследовали мальтийского пирата, а 25 июля появились пять судов Качиони, и турки бежали. Состав же турецкой эскадры явно преувеличен Лоренцем. Во всяком случае, никаких там 66-пушечных кораблей не было.

29 августа Лоренц привел свои суда в Сиракузы и после этого долго не выходил в море, боясь турок.

История действий корсарских флотилий Качиони и Лоренца напоминает приключенческий роман, но, увы, выходит за рамки книги. Нам же важно то, что флотилия Лоренца почти три года вела войну с турками, базируясь на Сиракузы, Мессину и другие порты Неаполитанского королевства.

³⁸ Шебека, полака и кирлангич – средиземноморские парусно-гребные суда.

Глава 7

Как итальянцы ввязались в войну с Францией

В 1789 г. во Франции началась революция. Казалось бы, дело чисто внутреннее, но монархи всей Европы полезли во французские дела. И тут главную роль сыграла не классовая солидарность, а просто нашелся повод, чтобы присвоить себе какие-то «плохо лежащие» территории. Вспомним, что в XVIII веке смерть чуть не каждого короля приводила к возникновению общеевропейской войны – «за испанское наследство», «за австрийское наследство», «за польское наследство», «за баварское наследство» и т. д.

И вот Англия кидается спасать королевскую власть Бурбонов, с которыми она почти непрерывно воевала в течение трех веков.

Лондон в январе – марте 1793 г. создает против Франции так называемую первую коалицию, в которую вошли политики самой Англии, Сардинии, Нидерландов, Испании, герцогства Тосканского, Неаполитанского королевства, Священной Римской империи, германских княжеств и России.

Матушка Екатерина пользовалась любым поводом, дабы метать громы и молнии на голову проклятых «извергов якобинцев», но воевать принципиально не желала.

4 декабря 1791 г. Екатерина сказала своему секретарю Храповицкому: «Я ломаю себе голову, чтобы подвинуть венский и берлинский дворы в дела французские... ввести их в дела, чтобы самой иметь свободные руки. У меня много предприятий неоконченных, и надобно, чтобы эти дворы были заняты и мне не мешали».

В августе 1792 г. прусские и австрийские войска вторгаются на территорию Франции. Европа вступает в 23-летний период «революционных войн».

Тем временем матушка-государыня занимается польскими делами и готовится к войне с Турцией.

Пьемонтский (Сардинский) король Виктор-Амадей III начал войну с Францией как тесть графа д'Артуа – вождя роялистов. Кроме того, Виктор-Амадей надеялся отхватить кусок Франции.

Однако в пограничной с Францией области королевства Савойе население говорило на французском языке, ненавидело чужое ему правительство, власть дворянства и духовенства.

Скопление сардинской армии у границы и толпы французских эмигрантов, подстрекавших к войне, еще больше усиливали раздражение крестьянских и ремесленных масс. Сардинский король решил скоординировать свои действия с наступлением герцога Брауншвейгского. Но французский генерал Монтескью его предупредил. 25 сентября он перешел границу Савойи, и сардинская армия в количестве 12 тысяч человек бросилась в панике бежать, оставив всю Савойю в руках французов. Население приняло французов с неподдельной радостью.

Русский посол в Сардинии князь Белосельский-Белозерский описал эти события в Савойе в своих донесениях в Петербург. Он сообщил, что накануне французского наступления на Савойю найдена была у одной церкви следующая «пасквиада», рисующая настроение савойского народа: «Помолимся Богу, да избавит он нас от ига мерзких попов, проклятого дворянства и негодного нашего правительства». А когда в Савойю вступили французские войска, то она, по словам посла, «отдалась на своеволие неприятелей, которые суть двоякие: французские демагоги и самый савойский народ». Далее посол сообщал, что «французы, как стремительный поток, наводнили всю Савойю; в Шамбери расставили множество деревьев вольности, с красною наверху шапкою, и заставили кричать граждан и мужиков, совершенно мысливших заодно с ними: да здравствует равенство! Потом они плясали

вокруг этих шестов и пели карманьолу». «Сказывают, – как бы с удивлением добавляет русский князь, – что до сих пор они еще не делали никакого разорения и жестокости в Савойе».

Через три дня после сдачи Савойи сардинские войска также поспешно покинули графство Ниццу под натиском французской эскадры из пяти кораблей и шести фрегатов, направившейся на восток.

Патриотические чувства савойцев и преданность их революционной Франции были так велики, что две тысячи молодых савойцев вызвались добровольно служить в рядах национальной гвардии. Но Монтескью не использовал этого настроения и не уничтожил Пьемонтской армии, а дал ей уйти на север. Это вызвало возмущение Национального конвента, у которого генерал Монтескью был и так на подозрении. Когда же Монтескью подошел к Женеве и, не желая нарушать нейтралитет швейцарского кантона, согласился подписать с Женевой особый договор, Национальный конвент снял его с поста командующего и вызвал в Париж для объяснения.

15 февраля 1793 г. Конвент вручил командование Итальянской армии генералу Бирау. Он провел несколько боев с пьемонтцами с переменным успехом, а затем был отправлен в Вандею. Командование Итальянской армией принял генерал Брюю.

12 июня того же года Брюю перешел в наступление, но понес большие потери. В августе часть Итальянской армии пришлось отправить на подавление восстания роялистов в Тулоне.

Соответственно, французы перешли к обороне, а пьемонтцы безуспешно пытались наступать. Тем не менее Брюю был обвинен в измене и отправлен в Париж, где и попал под нож гильотины.

Очередным командующим Итальянской армией стал шестидесятилетний генерал Дюморбион. Он решил ввести войска на территорию Генуэзской республики. Формально Генуя соблюдала нейтралитет в войне. Однако у французов оказалось два повода для вторжения... Во-первых, две тысячи пьемонтских солдат прошли через территорию Генуи, где в порту Онелья (сейчас Империя) погрузились на английские суда и отправились в Тулон. Во-вторых, 5 октября 1793 г. английская эскадра взяла на абордаж французский фрегат «Ла-Модест», стоявший в генуэзском порту Онелья.

6 апреля 1794 г. пять французских бригад общей численностью 14 тыс. человек вторглись в генуэзские владения. Порт Онелья был взят бригадой генерала Буонапарте. Французские войска овладели всем главным хребтом приморских Альп.

После взятия Онелья французский контр-адмирал Трюге стал на якоре в Генуэзском порту, где и пробыл долгое время, и оттуда направил к Неаполю контр-адмирала Латцш-Тревиля с десятью кораблями. Командир порта вышел ему навстречу и предложил пропуск для шести кораблей, заявив, что король Фердинанд IV не может принять большего числа кораблей, не нарушив своего нейтралитета. Адмирал обошелся без разрешения, бросил якорь перед окнами дворца и отправил на берег гражданина Бельвилля, который в мундире национальной гвардии был представлен королем кавалером Актоном. Он передал письмо контр-адмирала, в котором содержались следующие требования: 1) король должен заявить о своем нейтралитете; 2) он должен дезавуировать ноту своего посланника в Константинополе, в которой предлагалось Порте не принимать господина Семонвилля в качестве французского посла.

Он добился всего, что требовал: неаполитанский двор счел для себя за большое счастье, что так дешево отделался от этого неприятного визита.

19 мая 1795 г. генерал Келлерман принял командование 28-тысячной Итальянской армией. По мнению Венского кабинета, эта армия угрожала Генуе, потеря которой дала бы ей возможность пройти в Миланскую область. Вена отправила на помощь пьемонтской армии

30 тысяч австрийцев под командованием генерала Девенса. Их должна была поддерживать британская эскадра, крейсировавшая между портами Савона и Вадо.

23 июля 1795 г. Девенс перешел в наступление. После двух недель встречных боев Келлерман отступил.

В сентябре Директория вновь сменила командование Итальянской армии и послала туда генерала Шерера с двумя свежими дивизиями. После этого у французов стало 36 тысяч солдат, а у их противника – 45 тысяч.

В ноябре 1795 г. французы перешли в наступление и отбросили австрийские и сардинские части, взяв около 4 тысяч пленных. В декабре противники разошлись по зимним квартирам.

Итак, три года на границе Франции и Пьемонта шла локальная война с переменным успехом. В следующем, 1796 г. ситуация резко изменилась. Чтобы понять дальнейшее, попробуем оценить ситуацию в Италии на 1 января 1796 г. А в этом нам лучше всех поможет генерал Бонапарт:

«Сардинский король владел Савойей, графством Ницца, Пьемонтом и Монферратом. Савойя и графство Ницца были у него отняты в кампании 1792, 1793, 1794 и 1795 гг., и французская армия заняла главный хребет Альп. Пьемонт и Монферрат, лежащие между р. Тичино, пармскими владениями, Генуэзской республикой и Альпами, были населены 2 миллионами человек, так что число подданных сардинского короля достигало 3 миллионов, включая сюда 500 000 сардинцев, 400 000 савойцев и жителей Ниццкого графства. В мирное время армия сардинского короля насчитывала 25 000 человек. Его доходы были равны 25 миллионам. Во время кампании 1796 г. его армия с помощью английских субсидий и при чрезвычайном напряжении всех сил достигла 60 000 человек. Это были национальные войска, закаленные в долгой войне. Крепости Брунетто, Суза, Фенестрелла, Бар, Тортон, Кераско, Алессандрия и Турин были в отличном состоянии, хорошо вооружены и полностью снабжены припасами. Эти крепости, расположенные у всех горных перевалов, позволяли считать данную границу неприступной.

Генуэзская республика, к югу от Пьемонта, состоявшая из Западной Ривьеры с побережьем в 30 лье и из Восточной с побережьем в 25 лье, насчитывала 500 000 жителей. Она держала под ружьем только 4000 человек, но в случае нужды все генуэзские граждане становились солдатами, а кроме того, призывались 8000–10 000 человек из императорских поместий и долин Фонтана-Буона. Небольшая крепость Гави обороняла Бокеттский перевал.

Республика Лукка, небольшая страна, расположенная вдоль Тосканского моря, имела 140 000 человек населения и 2 миллиона дохода. Герцогства Парма, Пьяченца и Гуасталла имели 500 000 жителей. Они граничили с Генуэзской республикой, рекой По и владениями Модены. Военные силы составляли 3000 человек, и доход был 4 миллиона.

Австрийская Ломбардия, отделенная от владений сардинского короля р. Тичино, от Швейцарии – Альпами, от герцогства Пармского – р. По и граничащая на востоке с владениями Венецианской республики, имела население в 1 200 000 человек. Главным городом ее был Милан; его цитадель была в хорошем состоянии. Эта часть Италии, принадлежащая Австрии, не имела вооруженных сил и даже платила налог за освобождение от рекрутских наборов. В Австрии имелся только один полк из итальянцев – полк Страсольдо. Павия, Милан, Комо, Лоди, Кремона и Мантуя составляли отдельные провинции Ломбардии. Укрепления Пиццигетоне на Адде были в плохом состоянии. Мантуя, хотя и запущенная, была хорошей крепостью.

Венецианская республика имела к западу от себя Австрийскую Ломбардию, к северу – Кадорские Альпы, отделявшие Тироль от Каринтии, к востоку – Каринтию, Карниоль, Истрию и Далмацию. Ее население состояло из 3 миллионов человек. Она могла выставить армию в 50 000 человек. Ее флот господствовал в Адриатическом море. У нее имелось

13 полков из словенцев; это были хорошие солдаты. Бергамо, Брешиа, Кремона, Полезино, Верона, Виченца, Фельтре, Беллуно, Падуя, Бассано, Тревиза, Фриуль были ее владениями на правом берегу Изонцо; Истрия и Далмация составляли ее владения на адриатическом побережье.

Великое герцогство Модена состояло из герцогства Реджио, Модена и Мирандола. Оно граничило с р. По, с герцогством Пармским, легатством Болонским и Тосканскими Апеннинскими. Им управлял последний отпрыск дома Эсте. Наследницей была его дочь, жена эрцгерцога Фердинанда Австрийского. Герцог моденский был настоящий австриец. Войск у него имелось 6000 человек, были арсенал, артиллерийский склад и богатая казна. Население его владений превышало 400 000 человек.

Тоскана, ограниченная Средиземным морем, Апеннинскими, республиками Генуэзской и Луккской и владениями папы, имела 1 миллион населения. Там царствовал эрцгерцог Фердинанд, брат императора. Войск у него было 6000 человек, доходы равнялись 15 миллионам франков. Важным торговым портом был Ливорно. Великий герцог тосканский признал Французскую республику в 1795 г.; он придерживался нейтралитета и был в мире со всеми. Тоскана и Венецианская республика были единственными итальянскими державами, пребывавшими в мире с Францией.

Папские владения граничили с р. По, Тосканой, Адриатическим и Средиземным морями и Неаполитанским королевством. Их население было равно 2 500 000 человек, из которых в трех легатствах – Болонском, Феррарском и Романьском – было 900 000 человек, в Комарке и вотчине св. Петра, включая сюда и Рим, – 1 600 000 человек. Анкона, порт на Адриатическом море, была плохо укреплена. Чивита-Веккия, порт на Средиземном море, была укреплена как следует. Папа имел армию в 4000 или 5000 человек.

Неаполитанское королевство, граничащее с папскими владениями и с морем, имело население в 6 миллионов человек, из которых 4 500 000 на континенте и 1 500 000 в Сицилии. Неаполитанская армия состояла из 60 000 человек, кавалерия была превосходна. Флот состоял из трех кораблей и нескольких фрегатов...

Таким образом, в войсках итальянских держав было под ружьем 160 000 человек. Это количество можно было легко увеличить до 300 000 человек. Итальянская армия была более сильна пехотой, чем кавалерией. За исключением пьемонтцев и словенцев ее солдаты не представляли большой ценности».³⁹

³⁹ *Наполеон. Воспоминания и военно-исторические произведения.* / Составит. Р. Светлов. СПб., 1994. С. 46–48.

Глава 8

Итальянский поход Наполеона

9 термидора (27 июля) 1794 г. в Париже произошел государственный переворот, диктатор Максимилиан Робеспьер был арестован. На следующий день он и ряд его приверженцев, включая брата Огюстена, Сен-Жюста и Кутона, были казнены без суда и следствия.

А 10 августа в Ницце был арестован бригадный генерал Бонапарт – протеже братьев Робеспьеров.

За Наполеона вступился его приятель – корсиканец и масон Салечетти. Через две недели генерал был освобожден. Военное министерство предлагает Бонапарту отправиться воевать в Вандею. Честолюбивый генерал понимает, что в борьбе против повстанцев он не получит ни славы, ни популярности у французов. Он отказывается и вынужден уйти в отставку.

Летом 1795 г. отставной генерал случайно оказывается в «хижине» Терезии Тальен, жены одного из вождей термидорианцев Жака Тальена. «Хижина» госпожи Тальен была в то время самым влиятельным политическим салоном: его постоянными посетителями были Баррас, Фрерон, преуспевающий молодой финансист Уввар. Там не только ухаживали за женщинами и пили вино, но и между двумя бокалами намеками договаривались о решении важнейших государственных вопросов.

Терезия и ее ближайшая подруга Жозефина Богарне обратили внимание на «замухрышку» («grin galet» – прозвище Наполеона). Во время роялистского мятежа 12 вандемьера (4 октября) Жозефина порекомендовала Бонапарта своему любовнику главе Директории Баррасу «Замухрышка» подавил бунт картечью.

Подружки правильно оценили генерала, и 9 марта 1796 г. Бонапарт женился на Жозефине, а Баррас дал своей подруге в приданое Итальянскую армию, и уже через три дня после свадьбы новый командующий выехал к месту службы. 27 марта он прибыл в Ниццу. В этот день началась новая глава мировой истории.

В армии Бонапарта встретили насмешками, называли «воякой из прихожей» и «генералом алькова». Как мы уже знаем, в известной степени это так и было. Но не следует забывать, что Бонапарт уже давно готовился к походу в Италию. С 1794 г. он тщательно разработал несколько вариантов планов наступательных операций в Италии. За два года он в совершенстве изучил карту будущего театра военных действий. Клаузевиц говорил, что Наполеон «знал Апеннины как собственный карман».

План Бонапарта в главном был прост. В Италии французам противостояли две основные силы: австрийская армия и армия пьемонтского короля – «привратника Альп», как называл его Бонапарт. Задача состояла в том, чтобы разъединить эти силы, нанести решающий удар в первую очередь по пьемонтской армии, принудить короля к миру, а затем обрушиться всей мощью на австрийцев.

Для начала Наполеон расстрелял несколько десятков воров-интендантов, что пришлось по нраву голодным и раздетым солдатам.

9 апреля 1796 г. Бонапарт двинул свои войска через Альпы. 12 апреля 1796 г. французы разбили австрийцев близ Монтенотто – «Ночной горы». Это была первая победа Итальянской кампании. Позже Наполеон говорил с гордостью: «Наша родословная идет от Монтенотто».

Однако в Вене хоть и были озадачены, но все же считали происшедшее случайностью. Русский посол в Вене граф Разумовский 12 (23) апреля 1796 г. доносил в Петербург: «Войска

генерала Аржанто потерпели некоторую неудачу в деле у Монтенотто..., но это не имеет никакого значения».

А 14 апреля в сражении при Миллезимо французы нанесли удар по пьемонтской армии. Трофеями победителей стали 15 знамен, 30 орудий и 6 тысяч пленных.

Первая тактическая задача была достигнута – австрийская и пьемонтская армии были разделены. Теперь перед французами открывались дороги на Турин и Милан.

22 апреля Бонапарт нанес сардинцам страшное поражение при Мокдави. Австрийская армия спешила перекрыть подступы к Милану.

Король Виктор-Амадей III вступил в переговоры с Бонапартом, и 28 апреля перемирие с Пьемонтом было подписано. Условия перемирия были довольно суровы для побежденных: пьемонтский король отдавал Бонапарту две свои лучшие крепости и целый ряд других пунктов. А окончательный мир с Пьемонтом был подписан в Париже 15 мая 1796 г. Пьемонт обязывался не пропускать через свою территорию ничьих войск, кроме французских, не заключать отныне ни с кем союзов, уступал Франции графство Ниццу и всю Савойю. Помимо этого граница между Францией и Пьемонтом «исправлялась» к большой выгоде Франции. Также Пьемонт обязывался доставлять для французской армии все нужные ей припасы. Пьемонтская милиция была разоружена, а регулярные войска распределялись по гарнизонам так, чтобы никак не тревожить французскую армию.

Подробное описание блистательной итальянской кампании Бонапарта выходит за рамки нашей книги. Поэтому я лишь скажу, что к концу марта 1797 г. австрийские войска потерпели серию поражений и были выброшены из Северной Италии.

В ходе войны Генуэзская республика держала нейтралитет, а у Бонапарта было лишь 15 тысяч солдат для «успеха революции в Генуе».⁴⁰

Когда же австрийцы были разбиты, Бонапарт придрался к тому, что «пять французских торговых судов были захвачены в сфере огня генуэзских батарей без того, чтобы последние оказали им помощь».⁴¹ Речь идет о пиратских действиях англичан. Генуэзские сенаторы – люди мудрые: они мгновенно осознали суть проблемы и уплатили французам «4 миллиона контрибуции». Обрадованный генерал «увеличил» территорию республики «императорскими поместьями и областью Массы-ди-Каррара для получения от нее контингента в 2400 человек пехоты, 400 кавалеристов и 200 артиллеристов».⁴²

Таким образом, Бонапарт получил 3 тысячи человек подкрепления и поссорил герцогство с австрийцами. Кстати, если французские части формально подчинялись Директории, то присоединившиеся генуэзцы – лично генералу и формально Сенату, а сие было очень важно, поскольку Директория уже думала, как сместить вышедшего из-под контроля «замухрышку».

Перемирие с Пьемонтом, заключенное 28 апреля 1796 г., не удовлетворяло Бонапарта, и 1 марта 1797 г. в Болонье он подписал Пьемонтский союзный договор. Король получал от республики гарантию целостности своих владений, предоставлял французской армии контингент в 8 тысяч человек пехоты, 2 тысячи кавалерии и 20 пушек. Туринский двор поспешил выставить свой контингент, который предполагалось послать с французскими войсками в Каринтию, но Директория медлила с ратификацией этого договора, поэтому контингент оставался в Пьемонте около Новары в течение всей кампании 1797 г.

По Миланскому перемирию от 17 мая 1796 г. прекратилось состояние войны с герцогом Моденским. Герцог, преданный австрийцам, уехал в Венецию, а регентство, управляв-

⁴⁰ Наполеон. Указ. соч. С. 159.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

шее его государством, пропустило в осажденную французами Мантую несколько обозов с продовольствием в начале августа и конце сентября, когда блокада была уже снята.

Бонапарт объявил, что Миланское перемирие было нарушено регентством, снабдившим продовольствием Мантую. Он приказал своим частям занять все три герцогства – Реджио, Модену и Мирандолу – и 4 октября по праву завоевателя провозгласил их независимость. Это решение значительно улучшило положение армии, так как теперь регентство было заменено временным правительством, всецело преданным французам.

Великий герцог тосканский стал первым в Европе государем, признавшим Французскую республику. Когда французская армия заняла Италию, он находился с Францией в мире. Его владения, расположенные по другую сторону Апеннин, не играли никакой роли на театре военных действий. Тем не менее Бонапарт ввел в порт Ливорно ограниченный контингент – три батальона (1800 человек). Основания: «это было сделано с целью изгнать оттуда английскую торговлю и облегчить борьбу за освобождение Корсики; в остальном владения Тосканы остались неприкосновенны».⁴³

Ну а затем в Болонье Бонапарт подписал с представителем герцога договор, по которому французский гарнизон из Ливорно выводился, а взамен «великий герцог в уплату старых расчетов передал в армейскую казну два миллиона».⁴⁴

Обратим внимание на термин «в армейскую казну», то есть в карман генерала. Как видим, «замухрышка» начинает вести себя уже не как генерал, а как неограниченный монарх. Итальянские деньги и итальянские штыки сыграли важную роль в противостоянии генерала и Директории.

Говоря об отношении итальянцев к Наполеону, не будем забывать, что в королевской армии в 1789 г. состоял лейтенант Наполини Буона Парте, а офранцузил он свои имя и фамилию уже гораздо позже. Да и на Руси его помещики иначе как «Бонапарте» не называли вплоть до 1812 г.

Родным языком Наполеона был итальянский, точнее, корсиканский диалект итальянского, а французский он стал учить с 8 лет. До конца жизни Наполеон говорил по-французски с ошибками и итальянским акцентом. Зато его итальянский был идеален. Нетрудно понять, почему в конце XVIII века миллионы итальянцев видели в нем скорее своего земляка, чем француза.

5 июня 1796 г. было подписано перемирие с Неаполитанским королевством. Какое-то время заключению мира мешали «неуместные придирки Парижа» (то есть Директории) и интриги неаполитанского двора. «Наполеон не переставал торопить с заключением этого договора. Министерство иностранных дел в Париже требовало контрибуции в несколько миллионов, платить которую Неаполитанский двор резонно отказывался. Но в сентябре, когда стало известно, что союз Испании с Францией и освобождение Корсики от английского ига побудили Сент-Джемский [английский. – А. III.] кабинет отозвать свои эскадры из Средиземного моря, вследствие чего господство в Средиземном море и в Адриатике перешло к тулонским эскадрам, – встревоженный неаполитанский двор подписал все, что хотела Директория, и мир был заключен 8 октября»⁴⁵ 1796 г.

В январе 1797 г. Бонапарт создает Циспаданскую республику со столицей в Болонье. В нее вошли области Реджио, Модена, Болонья и Феррара, расположенные на правом берегу реки По.

Состояние войны Франции с Римом было прекращено Болонским перемирием 23 июня 1796 г., и Римский двор послал в Париж монсиньера Петрарки. Однако переговоры затяну-

⁴³ Наполеон. Указ. соч. С. 165.

⁴⁴ Там же. С. 166.

⁴⁵ Там же.

лись. Надежды на десяти тысячную «папскую» армию у Святого престола были слабы, но Пий VI рассчитывал на 30-тысячную неаполитанскую армию. В конце концов, подобная неопределенность надоела Бонапарту, и в январе 1797 г. к Риму был отправлен корпус генерала Виктора. В его составе было 4600 французов и 4000 итальянцев.

3 июня генерал Ланн, командовавший авангардом французских войск, с ходу разгромил папскую армию в бою у городка Сеню.

Инструкция Директории запрещала всякие переговоры с Римом. Директория считала, что надо положить конец светской власти папы и больше этим уже не заниматься, что нельзя найти другого случая, когда бы виновность Римского двора была более очевидна, и что было бы безумием надеяться на искренний мир с клерикалами, до такой степени враждебными принципам, на которых зиждилась республика.

Но Бонапарт действовал в своих интересах. 19 февраля 1797 г. в Толентино Наполеон продиктовал представителю римского папы кардиналу Маттеи и его коллегам условия мира. По этому договору папа отказывался от легатств Болонья, Феррара и Романья и обязывался выплатить Франции контрибуцию, а также отдать лучшие картины и статуи из своих музеев. В письме Директории от 19 февраля, сообщая об условиях мира, предусматривавших контрибуцию в 30 миллионов ливров, Бонапарт небрежно замечал: «Тридцать миллионов стоят в десять раз больше Рима, из которого мы не могли бы вытянуть и пяти миллионов».

Несмотря на целый ряд поражений, австрийская армия была еще достаточно сильна. Поэтому в переговорах с империей Бонапарт решил посулить Вене пряник, которым должна была стать Венецианская республика.

В 1792 г. державы коалиции предлагали Венеции принять участие в войне. Но это вопрос не вызвал серьезных дискуссий в сенате: все единодушно были за нейтралитет.

Но Бонапарт всегда находил повод для нападения. Как и в случае с Генуей, венецианцев обвинили в том, что австрийские корабли захватили французского корсара «у самых батарей венецианского форта Лидо», то есть должны были вмешаться, но не вмешались. Нашлись и какие-то французы, убитые в Венецианской области. В итоге 16 мая 1797 г. французские войска генерала Бараге д'Илье заняли Венецию.

По приказу Бонапарта к Ионическим островам была отправлена эскадра из трофейных венецианских кораблей, ядром которой были шесть 64-пушечных кораблей. На суда эскадры погрузили четыре пехотных батальона и шесть артиллерийских рот под командованием генерала А. Жантийи. Руководил экспедицией комиссар Директории историк-эллинист А.-В. Арно. По поручению Бонапарта он сочинил следующее воззвание к жителям Ионических островов: «Потомки первого народа, прославившегося своими республиканскими учреждениями, вернитесь к доблестям ваших предков, верните престижу греков первоначальный блеск... и вы обретете вашу доблесть античных времен, права, которые вам обеспечивает Франция, освободительница Италии».

Подойдя к Корфу, французы увидели на берегу множество вооруженных греков. На берег на шлюпке отправился один Арно. Его речь вызвала у населения Корфу бурю оваций. Греки радостно приветствовали высадку французских войск.

Республиканцы приступили к «демократизации» Ионических островов. Население с энтузиазмом отнеслось к посадке «деревьев свободы» и плясало вокруг них. Устраивались Олимпийские игры и т. п. Однако контрибуция в 60 тысяч талеров, наложенная на жителей Ионических островов, пришлась им явно не по вкусу. Кроме того, французское командование совершило непростительную ошибку на островах, грубо пропагандируя атеизм и культ «высшего разума». В итоге православное духовенство стало подстрекать население к мятежу.

13 февраля 1798 г. трофейная венецианская эскадра в составе 11 кораблей и 6 фрегатов под командованием вице-адмирала Ф. Брюйеса ушла в Тулон. На Корфу французы оставили один корабль и один фрегат.

«Лев св. Марка и Коринфские кони были перевезены в Париж. Венецианский военноморской флот состоял из двенадцати 64-пушечных кораблей и стольких же фрегатов и корветов».⁴⁶

17 октября 1797 г. в Пассериано близ деревни Кампо-Формио в Северной Италии генерал Бонапарт и граф Кобенцль подписали мирный договор. По условиям мира границами Французской республики признавались ее «естественные пределы»: Рейн, Альпы, Средиземное море, Пиренеи, Атлантический океан. По договору, вассальная Франции Цизальпинская республика была образована из Ломбардии, герцогств Реджио, Модена, Мирандола, из трех легатств – Болонского, Феррарского и Романского, из Вальтелины и части венецианских владений на правом берегу Адидже – Бергамо, Брешиа, Кремона и Полезина. Австрия также признавала Лигурийскую республику (бывшую Генуэзскую республику). Ионические острова отходили к Франции.

Австрия в качестве компенсации получила город Венецию и венецианские области на левом берегу Адидже, а также владения Венецианской республики в Истрии и Далмации. Этим население Габсбургской монархии увеличивалось больше чем на два миллиона человек.

Герцог Модены Эрколе III, лишившийся своих владений в Италии, получил герцогство Брисгау в южной Германии.

Блестящая кампания генерала Бонапарта за 18 месяцев изменила карту Северной Италии больше, чем за 500 предшествующих лет. Эти месяцы вполне можно назвать «звездными часами человечества».

⁴⁶ *Наполеон*. Указ. соч. С. 229.

Глава 9

Неаполитанские приключения Нельсона и Ушакова

6 ноября 1796 г. скончалась Екатерина Великая, и вновь, как и после смерти Елизаветы Петровны, внешняя политика России резко изменилась. В тот же день с барабанным боем и развернутыми знаменами в Петербург вступили прусские войска. Очевидец француз Массон сострил: «Дворец был взят штурмом иностранным войском». Но, конечно, это были не пруссаки, а гатчинское воинство, которое Павел еще при жизни матери одел в прусские мундиры и муштровал по прусским уставам.

К Павлу потянулись со всех сторон тысячи немецких проходимцев, всякие там Адлеры, Адленберги, Бенкендорфы, Врангели и т. п. Сам Павел I был женат на Марии Федоровне (принцессе Софии Доротее Вюртембергской), а его сын Александр – на Елизавете Алексеевне (принцессе Луизе Баденской). Вся эта германская партия начала буквально давить на Павла, а затем на Александра. У одних «русских немцев» в германских княжествах был собственный гешефт, у других от французов пострадали родственники.

Однако, придя к власти, Павел решил вести мирную политику. Он прекратил подготовку к босфорской операции и указом от 8 апреля 1797 г. отозвал эскадру Макарова из Северного моря.

В первые месяцы своего правления Павел не вмешивался в европейские дела, но внимательно наблюдал за ними. 1796–1797 гг. ознаменовались, с одной стороны, политической нестабильностью во Франции, а с другой – успехами французской армии в борьбе против европейской коалиции. Такую ситуацию Павел воспринял лишь как военную слабость монархов Европы. Он постепенно давал себя убедить, что без его вмешательства порядок в Европе навести невозможно.

А как реагировал Павел на Кампаформийский мир? Да никак. При известии о Лёбенском перемирии, когда австрийский посол Кобенцель дал понять, что его можно нарушить, если только Россия захочет поддержать свою союзницу, Павел пожал плечами: «Вы еще недостаточно терпели поражений?»⁴⁷

Но вот к императору прибыл представитель французских эмигрантов. По условиям мира Австрия уже не могла держать на своей территории эмигрантские отряды, которыми командовал принц Конде. На этот раз эмигранты просили не военной поддержки, а убежища, взывая к милосердию императора. Павел считал себя благородным рыцарем без страха и упрека. «Русский Дон Кихот», – называл его Наполеон. Не подумав о последствиях и интересах России, Павел широким жестом пригласил эмигрантов к себе.

Самому принцу Луи Конде, его сыну герцогу Бурбонскому и его внуку герцогу Ангиенскому в Петербурге было оказано пышное гостеприимство, а их отряды Павел велел расквартировать в Подолии и на Волыни. Даже был поднят вопрос о браке Александры Павловны с Антуаном, герцогом Ангиенским.

А в декабре 1797 г. сам претендент на французскую корону герцог Прованский поселился в Митавском замке, и Павел назначил ему пенсию в 200 тысяч рублей.

После отъезда Симолина Россия и Франция не имели дипломатических отношений. Тем не менее французские дипломаты неоднократно пытались вступить в переговоры со своими российскими коллегами вначале в Копенгагене, а потом в Берлине. Был момент, когда Павел даже хотел прийти к мирному соглашению с республикой, благо делить обоим госу-

⁴⁷ *Валишевский К.* Сын Великой Екатерины. Император Павел I. М.: СП «ИКПА», 1990. С. 296.

дарствам было нечего. Увы, субъективные факторы оказались сильнее объективных жизненно важных интересов России и Франции.

Русская военная партия сфабриковала заговор поляков в Вильно, которых якобы субсидировал Бонапарт. На самом деле в Вильно хватало скандальных панов, но серьезным заговором и не пахло. Да и «Бонапарты» в те годы даже не слыхивал о таком городе. Тем не менее слухи о заговоре и участии Бонапарта вызвали ярость императора.

Существенную роль во втягивании России в войну сыграли и мальтийские рыцари. В 1525 г. император Карл V уступил остров Мальту рыцарскому ордену иоаннитов, после того как турки изгнали их с острова Родос. С тех пор остров принадлежал рыцарскому ордену. В ходе обеих турецких войн Екатерины II мальтийские рыцари оказывали существенную помощь русским. На Мальте базировались и ремонтировались наши корабли, а сотни, если не тысячи мальтийских моряков плавали на каперских судах под Андреевским флагом.

Основную часть доходов ордена составляли поступления из десятков имений, принадлежавших рыцарям по всей Европе, включая Речь Посполитую. Французская революция и последовавшие за ней войны лишили орден значительной части доходов, поступающих с континента.

А тут возникли проблемы с владениями князей Острожских на Волыни. После пресечения рода законных наследников богатейшие имения по завещанию должны были быть переданы ордену. Но буйные соседские паны объявили себя наследниками князей Острожских по боковой линии и приступили к самозахвату земель.

В связи с этим в Петербург прибыл балый орден граф Джулио Литта. В свое время он служил в русском флоте, и Екатерина присвоила ему чин контр-адмирала.

Павел считал себя рыцарем, и хитрый Литта сыграл на его чувствах. Литта и компания «для большего эффекта... в запыленных каретах приехали ко двору». Павел ходил по зале и, «увидев измученных лошадей в каретах, послал узнать, кто приехал; флигель-адъютант доложил, что рыцари ордена св. Иоанна Иерусалимского просят гостеприимства. “Пустить их!” Литта вошел и сказал, что, “странствуя по Аравийской пустыне и увидя замок, узнали, кто тут живет...”». Царь благосклонно принял все просьбы рыцарей.

4 (15) января 1797 г. Павел подписал конвенцию, обеспечивавшую ордену взамен земель на Волыни, требуемых им обратно, ежегодный доход в 300 тысяч польских злотых на содержание великого Российского приорства.

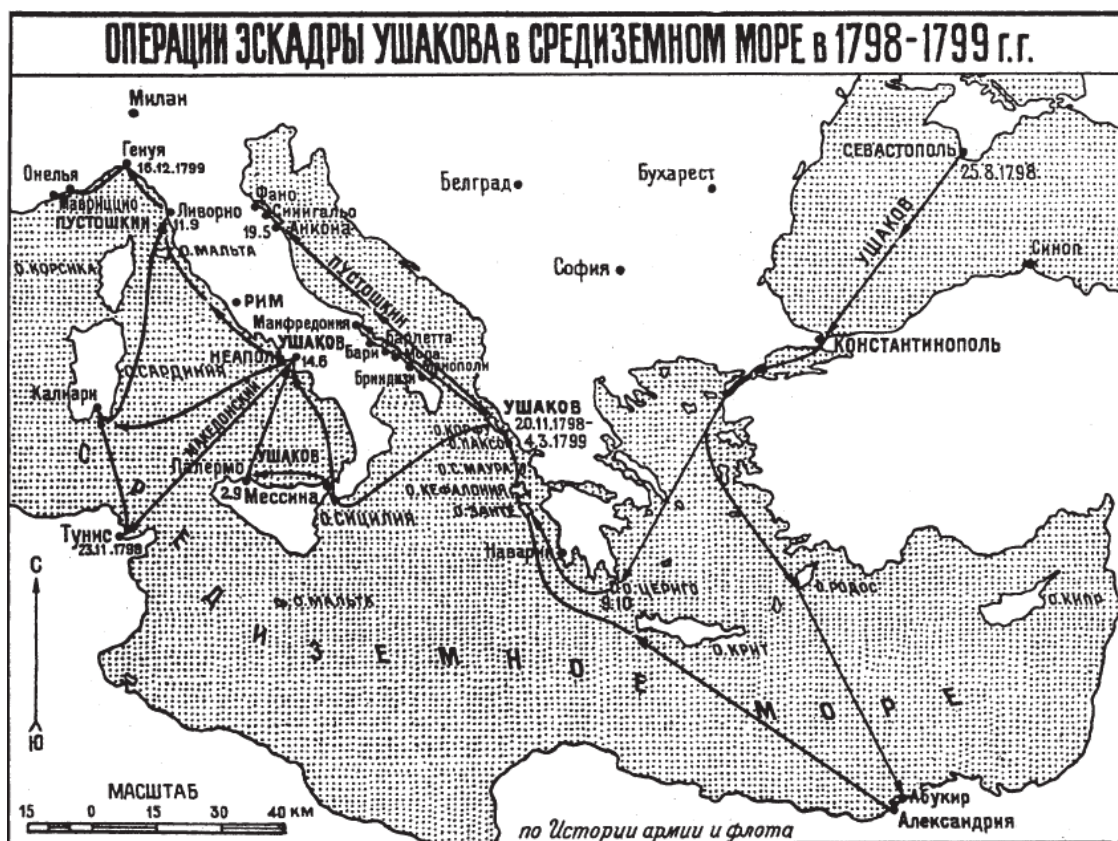
Как видим, пока речь шла лишь о расхищении русских финансов. Однако во время следующего визита в Петербург Литта привез крест, который носил самый знаменитый из гроссмейстеров ордена, Лавалетт, и предложение протектората. 27 ноября 1797 г. он совершил очень парадный «въезд» в Петербург, а через два дня Павел, дав ему торжественную аудиенцию в присутствии своего двора и большого числа высших представителей православной церкви, принял подношение и согласился на протекторат. И опять же, принятие протектората над Мальтой не приносило особого ущерба России.

Весной 1798 г. в Тулоне началось сосредоточение кораблей и транспортов. Туда же был стянут 38-тысячный десантный корпус под командованием самого Бонапарта. Вся Европа затаила дыхание. Газеты распространяли самые противоречивые сведения о планах Бонапарта – от высадки в Англии до захвата Константинополя. На берегах Невы испугались и решили, что злодей «Бонапарты» не иначе, как замыслил отнять Крым. 23 апреля 1798 г. Павел I срочно посылает приказ Ушакову выйти с эскадрой в море и занять позицию между Ахтиаром и Одессой, «наблюдая все движения со стороны Порты и французов».

19 мая французский флот вышел из Тулона. 23 мая французы подошли к Мальте, которая принадлежала ордену мальтийских рыцарей. Мальта сдалась без боя, а рыцарям пришлось убираться с острова подобру-поздорову. 20 июня 1798 г. французская армия высадилась в Египте. Бонапарт легко победил турок и занял Египет, но 20–21 июля адмирал Нельсон

в Абукирской бухте разгромил французский флот. Армия Бонапарта оказалась отрезанной от Франции.

Изгнанные с Мальты рыцари обратились за помощью к Павлу I, и предложили ему стать Великим магистром ордена. Павел радостно согласился, не думая о комизме ситуации – ему, главе православной церкви, предложили стать магистром католического ордена. 10 сентября 1798 г. Павел издал манифест о принятии Мальтийского ордена в «свое Высочайшее управление». В этот же день эскадра Ушакова соединилась с турецкой эскадрой в Дарданеллах, и они вместе двинулись против французов.

Операции эскадры Ушакова в Средиземном море в 1798–1799 гг.

Бонапарт турок напугал еще больше, чем русских. Хотя Египет и управлялся полунезависимыми от Стамбула мамелюкскими беями, и Бонапарт неоднократно заявлял, что воюет не с турками, а с мамелюками, все равно султан Селим III считал высадку французов нападением на Османскую империю. Мало того, иностранные дипломаты, скорей всего, русские, довели до султана «секретную» информацию о планах «Бонапартия», который решил ни много ни мало как разорить Мекку и Медину, а в Иерусалиме восстановить еврейское государство. И как этому не поверить, когда французы на Ниле и двигаются в Сирию? Тут уж не до воспоминаний об Очакове и Крыме.

Султан Селим III повелел заключить союз с Россией, а французского посла, как положено, заточили в Семибашенный замок.

7 августа 1798 г. Павел I послал указ адмиралу Ушакову следовать с эскадрой в Константинополь, а оттуда – в Средиземное море.

12 августа 1798 г. из Ахтиарского порта вышли шесть кораблей, семь фрегатов и три авизо. На борту кораблей было 792 пушки и 7406 «морских служителей». Попутный ветер надувал паруса, гордо реяли Андреевские флаги, эскадра знаменитого «Ушак-паши» шла

к Босфору. Все, начиная от вице-адмирала до юнги, были уверены в успехе. Никому и в голову не приходило, что именно в этот день началась шестнадцатилетняя кровопролитная война с Францией. Впереди будет и «солнце Аустерлица», и горящая Москва, и казаки на Елисейских полях.

25 августа русская эскадра прошла Босфор и встала на якорь в Буюк-Дере напротив дома русского посла. Интересно, что население радостно встречало своих «заклятых врагов». Адмирал Ушаков доносил Павлу: «Блистательная Порта и весь народ Константинополя прибытием вспомогательной эскадры бесподобно обрадованы, учтивость, ласковость и доброжелательство во всех случаях совершенны».

Даже Селим III не удержался и инкогнито на лодке объехал русские корабли.

От имени султана Ушакову была вручена табакерка, украшенная алмазами. Вместе с ней была передана декларация Турции: «О свободном плавании русских военных и торговых судов через проливы, о взаимной выдаче дезертиров и содействии санитарным мерам во избежание распространения заразных болезней».

23 декабря 1798 г. (3 января 1799 г.) в Константинополе был заключен Союзный оборонительный договор между Империей Всероссийской и Оттоманской Портой. Договор подтверждал Ясский договор 1791 г. («от слова до слова»). Россия и Турция гарантировали друг другу территориальную неприкосновенность по состоянию на 1 января 1798 г. В секретных статьях договора говорилось, что Россия обещала Турции военную помощь, определенную в 12 кораблей и 75–80 тысяч солдат. Турция обязалась открыть Проливы для русского военного флота. «Для всех же других наций без исключения вход в Черное море будет закрыт». Таким образом, договор сделал Черное море закрытым русско-турецким бассейном. В то же время было зафиксировано право России как черноморской державы быть одним из гарантов судоходного режима Босфора и Дарданелл.

8 сентября русская эскадра вошла в Дарданеллы. При выходе из Дарданелл эскадра Ушакова соединилась с турецкой эскадрой, которая состояла из четырех кораблей, шести фрегатов, четырех корветов и четырнадцати канонерских лодок. Командовал эскадрой вице-адмирал Кадыр-бей.

28 октября русские корабли подошли к острову Цериге, а через три дня боев французский гарнизон капитулировал. В течение последующих 35 дней от французов были освобождены острова Занте, Кефалония и Санта-Мавра. Мощная же крепость на острове Корфу оказалась более крепким орешком. Ее осада длилась до 22 февраля 1799 г. Наконец французский гарнизон капитулировал. В плен было взято 2931 француз, 635 пушек и мортир, корабль, три фрегата и шесть малых судов. По этому поводу Суворов воскликнул: «Зачем не был я при Корфу хотя бы мичманом?!»

Вопрос о дальнейшей судьбе Ионических островов обсуждался Россией и Турцией еще до взятия Корфу. Турки предлагали передать их Неаполитанскому королевству или создать там княжество, зависимое от Турции. Павел же предложил учредить на островах... республику! Конечно, по современным понятиям конституция этой республики была не совсем демократической. Так, выборы в Большой Совет проходили по куриям, отдельно для каждого сословия. Но тем не менее факт остается фактом, Павел I стал первым русским царем, учредившим республику.

Неаполитанский король Фердинанд IV, ободренный действиями Ушакова и Нельсона, в ноябре 1798 г. решил напасть на французов в центральной Италии.

Тут нам придется сделать небольшое лирическое отступление и вернуться на несколько месяцев назад, чтобы понять ситуацию в Неаполе. С начала 80-х годов XVIII века британским посланником при неаполитанском дворе был сэр Вильям Гамильтон. В 1784 г. Гамильтон у своего племянника Чарльза Гревилля купил веселую девицу Эмму Лайон. Ну а если быть точным, то заплатил огромные долги племянника.

В 1786 г. она 21-летняя девица поселилась в неаполитанской резиденции 56-летнего британского посланника. Эмма великолепно владела даром обольщения, и бедный Гамильтон решил презреть мнение света и жениться.

Свадьба состоялась в Лондоне 5 сентября 1791 г. При этом мудрая Эмма не поехала сразу в Неаполь, а заставила мужа отправиться в Париж к королевскому двору. Там она как-то ухитрилась получить аудиенцию у королевы Марии-Антуанетты, родной сестры Марии-Каролины Неаполитанской.

После этого не принять жену посланника при дворе королю Фердинанду было невозможно. Эмма и Мария-Каролина быстро подружились.

Эмма в Неаполе вела себя вызывающе. Так, она для избранных устраивала представления «живых картин», изображавших классические произведения искусства, которые сама Эмма называла «антиэтюдами». Надо ли говорить, что для «антиэтюдов» выбирались картины с обнаженными героинями.

У многих знатных неаполитанцев «антиэтюды» вызывали возмущение, по городу ходили карикатуры на жену посланника.

Но зато эти «антиэтюды» нравились королеве! Мария-Каролина и Эмма часами валялись в постели королевы. В Неаполе ходили слухи об их нетрадиционных отношениях. Ну, если эти слухи верны, то обе партнерши были бисексуальны.

В сентябре 1793 г. в Неаполь прибывает британский корабль «Агамемнон» под командованием Горацио Нельсона. Нельсон должен был известить короля Фердинанда IV о захвате англичанами главной французской военно-морской базы Тулон. Для удержания Тулона «просвещенным мореплавателям» срочно требовалось пушечное мясо. Пять дней Нельсон провел в резиденции британского посланника. Именно тогда у Нельсона и леди Гамильтон начался знаменитый роман века. Не в последнюю очередь под влиянием Эммы Мария-Каролина настояла на отправке в Тулон четырех тысяч неаполитанских солдат.

В Тулоне «просвещенные мореплаватели» собрали целый интернационал – 3 тысячи англичан, 4 тысячи неаполитанцев, 2 тысячи сардинцев и 5 тысяч испанцев.

Но тут явился «враг рода человеческого злодей Буона Парте» и пинком выбросил всю компанию из Тулона.

В середине июня 1798 г. французский флот вышел из Мальты и направился в неизвестном направлении. Бонапарт уже знал, что эскадра Нельсона ищет его, и пошел на хитрость. Он отправился к Александрии непривычным, более южным путем. Нельсон же спешил на всех парусах по кратчайшему пути. В ту же ночь его эскадра, повернув к Александрии, прошла в непосредственной близости от французской. Был туман, и англичане не заметили тех, за кем гнались.

В Неаполе тем временем королевский двор и английский посланник пребывали в панике, опасаясь, что Бонапарт вот-вот высадится со своей армией на территории Королевства обеих Сицилий. Эмма Гамильтон писала Нельсону: «Я боюсь, что здесь все потеряно... Я надеюсь, что вы не уйдете из Средиземного моря, не захватив нас».

Но вот 1 августа Нельсон побеждает французский флот у Абукира.

22 сентября 1798 г. в Неаполь прибыли три корабля Нельсона с известием об абукирской победе. Французы разбиты, злодей Бонапарте заперт в Египте. Еще в море английскую эскадру встретили сотни судов и лодок с ликующими неаполитанцами. Первой к флагманскому кораблю «Вэнгарду» подошла барка английского посланника Гамильтона. Его встретили салютом из двенадцати орудий. Дальнейшие события Нельсон так описывал своей жене: «Сцена в лодке была эффектна. Жена посланника с возгласом “О боже, неужели это возможно!” упала в мои объятия в обморочном состоянии... Я надеюсь когда-нибудь представить тебе леди Гамильтон. Она – одна из лучших в мире женщин».

Через час на «Вэнгарде» снова произвели салют из 21 орудия, приветствуя Фердинанда IV, лично пожаловавшего на борт английского корабля, чтобы поздравить адмирала с победой.

Веселье в Неаполе не прекращалось в течение нескольких дней. Всюду играла музыка, светились иллюминация, давались приемы и обеды в честь победы англичан.

29 сентября (по новому стилю) Нельсону исполнилось 40 лет. Во дворец Сесса было приглашено 1800 гостей. В большом зале возвели ростральную колонну с выгравированной на ней надписью: «Veni, vidi, vici» и именами английских капитанов, сражавшихся при Абукире.

В общем, «крокодилы, пальмы, баобабы и жена британского посла!»⁴⁸

И вот сей любовный триумвират, или треугольник, как хотите, задумал изгнать французов из Италии. Фердинанд IV затеял мобилизацию и довел численность неаполитанской армии до 100 тысяч штыков. Эскадра Нельсона высадила 7 тысяч неаполитанцев у Ливорно, а сам король с 60-тысячной армией вторгся в Римскую республику.

Однако командовать войсками король не умел, да и не любил. Вообще говоря, он кроме охоты ни в чем толком не разбирался. Посему на должность главнокомандующего неаполитанским воинством пригласили австрийского фельдмаршала-лейтенанта Карла Мака, барона фон Лейбериха. Познакомившись с Маком, Нельсон заявил: «Мак активен, у него интеллигентный взгляд на вещи, и я не сомневаюсь, что у него все пойдет хорошо».

Мак и Фердинанд вступили в Рим. Там 14 ноября король выпустил манифест, в котором заявлял, что начал войну с Французской республикой, потому что она захватила остров Мальту, сюзереном которого он был, и угрожает существованию его трона созданием Римской республики.

Французский генерал Шапоне с 25 тысячами солдат, из которых свыше 8 тысяч были итальянцами и поляками, контратаковал неаполитанцев и 9 декабря разгромил их. 13 декабря неаполитанцы бежали из Рима, а на следующий день в Вечный город вступили французы. Мак сумел собрать свою армию только за рекой Вольтуро между Капуей и Казерте. Несмотря на то что король велел раздать оружие крестьянам и городским люмпенам, 10 января 1799 г. Маку пришлось капитулировать. По условиям капитуляции крепость Капуя передавалась французам, занявшим все королевство, кроме Неаполя и его окрестностей. Король обязывался немедленно уплатить 10 миллионов на содержание армии и закрыть свои порты для англичан и русских. Маку же разрешалось свободно проследовать в Австрию.

Однако по приказу Директории Мак был схвачен в Бриансоне и отправлен под конвоем в Париж. Через год Бонапарт освободит Мака на беду... Австрийской империи. В 1805 г. Мак будет назначен главнокомандующим австрийской и русской армиями и сдаст Наполеону австрийскую армию под Ульмом.

Начиная с 15 декабря 1798 г. королева Каролина и Эмма Гамильтон переправляли свои сокровища на корабль «Вэнгард». 23 декабря «обмаковавшаяся» компания – король с королевой и чета Гамильтонов – также пробралась на флагман Нельсона. Лев Николаевич в романе «Война и мир» глагол «обмаковались» применил к Ульму, но тут ситуация оказалась не менее комичная. «Вэнгард» поставил все паруса, и вскоре беглецы увидели берега Сицилии. На несколько месяцев Палермо стал столицей королевства.

23 декабря неаполитанские республиканцы взяли под контроль Неаполь, а на следующий день туда вступили французские войска. В январе 1799 г. в Неаполе была провозглашена Партенопейская республика.

В Палермо «обмаковавшиеся» сели писать жалобы в Петербург и на Корфу – помогите, Христа ради. Как раз накануне сдачи французов в Корфу прибыл неаполитанский фрегат

⁴⁸ Почти по песенке А. Городницкого «Жена французского посла».

со слезным посланием Ушакову от Фердинанда и специальным королевским посланником кавалером Антониом Мишерой.

Из письма сэра Горацио Ушакову: «...я буду просить вас только об одной очень большой услуге, которую вы можете оказать общему делу, в частности, его сицилийскому величеству, а именно послать в Мессину столько кораблей и войск, сколько будет возможно».⁴⁹

В письме же лорду Джервису от 28 апреля (9 мая) 1799 г. Нельсон высказался напрямик: «Если бы они (русские) прибыли, то дело с Неаполем было бы окончено в несколько часов».⁵⁰

Из письма Нельсона в Петербург английскому послу Витворту: «Мы ждем с нетерпением прибытия русских войск. Если девять или десять тысяч к нам придут, то Неаполь спустя одну неделю будет отвоеван, и его императорское величество будет иметь славу восстановления доброго короля и благостной королевы на их троне».⁵¹

На Ушакова союзники жали не только из Палермо, но и из Петербурга, и даже из Вены. Австрийское правительство попросило русского посла А. К. Разумовского заставить Ушакова отправить часть эскадры к Анконе – порту Папской области, занятому французами. Разумовский попросил передать просьбу Ушакову фельдмаршала Суворова, находившегося тогда в Вене. Суворов попросту переслал письмо Разумовского в Корфу.

Русские войска заняли Корфу, то есть выполнили свою задачу. Получить какие-либо базы в Италии было нереально, и вообще в Италии русским делать нечего. Судя по всему, Ушаков прекрасно это понимал и ограничился посылкой к берегам Апеннинского полуострова двух небольших отрядов.

15 апреля 1799 г. из Корфу к Бриндизи вышел отряд капитан-командора Сорокина в составе фрегатов «Св. Михаил» и «Счастливый», неаполитанского фрегата «Фортуна», а также двух турецких судов – корвета и тартаны.

1 мая Корфу покинул второй отряд. Контр-адмирал П. В. Пустошкин повел к Анконе корабли «Св. Михаил», «Симеон и Анна», фрегаты «Казанская Богоматерь» и «Навархия», авизо «Красноселье» и бригантину «Новокупленную».⁵² Кроме того, в состав отряда входили турецкие суда: корабль «Ибрагим», два фрегата, корвет и тартана.

Позже отряд Сорокина был усилен фрегатами «Григорий Великия Армении» и «Николай». 23 апреля отряд Сорокина прибыл к берегам Италии и в течение двух недель, высадив несколько малых десантов от Пули до Манфредонии, очистил побережье от республиканцев.

8 мая шебека «Макарий» под командованием лейтенанта Ратманова и два вооруженных барказа из эскадры контр-адмирала Павла Васильевича Пустошкина, блокировавшей Анкону, взяли двухпушечный французский требак (торговое парусно-гребное судно) с ценным грузом. Пытавшиеся оказать требаку помощь десять французских канонерских лодок, вышедшие из Анконской гавани, были отбиты огнем «Макария».

Тем временем в Южной Италии кардинал Руффо поднял восстание против французов. К нему присоединились духовенство, феодалы и некоторая часть крестьянства. Вскоре воинство Руффо достигло 35 тысяч человек, но справиться с регулярными частями французов оно не могло.

В связи с вторжением армии Суворова в Северную Италию большая часть французских войск во главе с генералом Миолисом отправилась из Неаполя на север.

⁴⁹ Адмирал Ушаков. Документы / Под ред. Р. Н. Мордвинова. М.: Военно-морское издательство, 1952. Т. II. С. 352.

⁵⁰ *Тарле Е. В.* Избранные сочинения в IV томах. Т. IV. Ростов н/Д: Феникс, 1994. С. 213.

⁵¹ Там же. С. 216.

⁵² Вообще говоря, название «Новокупленная» выдумано историками. В документах же ушаковской эскадры бригантина проходит под прилагательным «купленная». Ее действительно купили в 1798 г. в Херсоне и отправили к эскадре Ушакова.

4 (15) мая Сорокин направился к Барлетте, где, «приведя жителей города и окрестностей в послушание», оставил там фрегат «Григорий Великия Армении», а сам двинулся к Марфедонии, куда и прибыл 8 (19) мая.

В Барлетте был сформирован десантный отряд под командованием капитан-лейтенанта Г. Г. Белле. Он состоял из 481 русского моряка и 30 неаполитанских моряков с фрегата «Фортуна» при шести полевых пушках. Вскоре десантный отряд соединился с воинством кардинала Руффо. Как уже говорилось, французов в Южной Италии осталось очень мало, а части из неаполитанских республиканцев были мало боеспособны.

В итоге крепости Партенопейской республики пали одна за другой. Сначала капитулировала крепость Кастелламаре, потом два замка – Кастель д'Уово и Кастель Нуово, где находились французы и наиболее скомпрометированные республиканцы Неаполя. По условиям этих «капитуляций» кардинал Руффо обязывался разрешить французским гарнизонам укреплений выйти из замков с военными почестями, с оружием и военным имуществом, с развернутыми знаменами, с двумя заряженными пушками. Все итальянские республиканцы, укрывшиеся в замках, как мужчины, так и женщины, точно так же получали гарантию личной безопасности, и им предоставлялся свободный выбор: либо вместе с французским войском перейти на корабли, которые их доставят в Тулон, либо остаться в Неаполе, причем им гарантировалось, что ни они, ни их семьи не подвергнутся никакому насилию. Этот документ был подписан французами 10 (21) июня, кардиналом Руффо и представителями Ушакова и Кадыр-бея 11 (22) июня 1799 г., а 12 (23) июня он был подписан представителем Нельсона капитаном Футом.

3 июня отряд Белли вместе с войском Руффо вошел в Неаполь. Через 10 дней туда появился и Нельсон, разумеется, вместе с четой Гамильтонов. Нельсон сразу же объявил, что он не признает подписанной русскими и его же представителем Футом капитуляции. Даже кардинал Руффо был возмущен этим и заявил, что ни он, ни его войско не будут участвовать во враждебных действиях против французов.

Понадеявшиеся на честное выполнение условий капитуляции, французы и неаполитанские республиканцы вышли из укрепленных замков. Кое-кто из них успел даже пересечь на транспорты, которые отходили в Тулон. Но транспорты были остановлены по приказу Нельсона, и все были арестованы. Целую неделю в Неаполе и других городах королевства продолжались дикие расправы над французами и республиканцами. Погибло не менее 5 тысяч человек.

Современный британский историк Джонатан Китс писал: «Вмешательство английского адмирала Горацио Нельсона во внутренние дела Неаполитанского королевства – самая бесславная страница в его биографии, и ее вообще могло бы не быть, не поддайся он действию чар леди Эммы Гамильтон».⁵³

В июне 1799 г. Нельсон сообщил Ушакову о проходе через Гибралтар соединенного французского флота. Не полагаясь особо на англичан, Федор Федорович решил собрать всю эскадру. Соответственно, Пустошин и Сорокин получили приказ следовать в Корфу.

25 июля, оставив в Корфу два русских корабля, трофейный французский корабль «Леандр» и русскую шебеку «Макарий», соединенная русско-турецкая эскадра адмирала Ушакова в составе 10 кораблей, 7 фрегатов и 5 мелких судов снялась с якоря и направилась в Мессину для совместных действий с английской эскадрой адмирала Нельсона против французского флота. 3 (14) августа эскадра пришла в Мессину, и там выяснилось, что никакого франко-испанского флота нет и в помине.

По просьбе Суворова, готовившегося начать наступление к берегу Генуэзского залива, Ушаков 19 (30) августа отправил к Генуе под командованием Пустошкина три корабля и два

⁵³ Китс Дж. История Италии. С. 135.

малых судна, чтобы пресечь подвоз морем запасов неприятельским войскам. В тот же день к Неаполю был послан Сорокин с тремя фрегатами и шхуной. Сам же Ушаков с остальными кораблями пошел в Палермо, чтобы, «условясь в подробностях с желанием его неаполитанского величества и с лордом Нельсоном», пройти к Неаполю, а оттуда в Геную «или в те места, где польза и надобность больше требовать будут».

Еще до прихода Ушакова в Палермо, 3 (14) августа 1799 г. туда прибыл из Англии вице-адмирал Карцов с кораблями «Исидор» (74 пушки), «Азия» (66 пушек), «Победа» (66 пушек), а также фрегатом «Поспешный» (38 пушек).

Зато турецкая эскадра 1 сентября покинула Палермо и двинулась к Дарданеллам. Местное население убило 14 турецких мародеров, и еще 40 пропало без вести. На судах Кадырбея начался мятеж. В итоге турки ушли домой.

8 (19) сентября 1799 г. Ушаков со своей эскадрой пришел в Неаполь.

К этому времени с севера на Римскую республику двигался австрийский корпус генерала Фрелиха. Однако 1 (12) сентября 1799 г. французский отряд генерала Гарнье разгромил австрийцев при Чивито-Кастеллой.

В такой ситуации Ушаков сформировал в Неаполе русский десантный отряд численностью 818 человек под командованием полковника Скипора. Вместе с отрядом в полторы тысячи неаполитанцев Скипор двинулся на Рим.

Узнав о приближении к Риму отряда Скипора, Гарнье согласился начать переговоры о капитуляции гарнизона. 16 (27) сентября капитуляция была подписана командующим неаполитанской армией маршалом Буркардом и капитаном Траубриджем – командиром британского корабля, пришедшего в Чивита-Веккию. Австрийский генерал Фрелих не согласился с условиями капитуляции, но когда Гарнье снова на него напал и снова разбил его наголову, то Фрелих счел себя удовлетворенным и согласился.

По условиям капитуляции французы получали право свободно выйти из города не только с оружием, но и со всеми награбленными ими вещами и богатствами. Ушаков узнал, что Буркард, действуя явно с согласия кардинала Руффо, просто решил выпустить французов с оружием и обязался даже переправить их, куда они захотят. Это давало французам полную возможность немедленно отправиться в Северную Италию воевать против суворовской армии.

Уже 15 (26) сентября 1799 г., накануне формально подписанной капитуляции Рима, Ушаков с возмущением укорял Траубриджа за дозволение французам спокойно, со всем вооружением уйти из Рима, Чивита-Веккии, из Гаэты, и, не зная еще о совершившихся фактах, Ушаков требовал, чтобы Траубридж продолжал с моря блокировать Чивита-Веккию, потому что иначе освобожденные французы – «сикурс (помощь) непосредственный и немаловажный» для французской армии, сражающейся на севере против Суворова.

Скипор и Балабин получили от Ушакова приказ возвратиться в Неаполь, не продолжая похода к Риму. Кардинал Руффо немедленно написал адмиралу письмо, умоляя его не возвращать русский отряд в Неаполь, во-первых, потому, что французы согласились уйти только под влиянием известий о приближении русских, а во-вторых, потому, что если русские не войдут в Рим, то «невозможно будет спасти Рим от грабежа и установить в нем добрый порядок». Мало того, кардинал Руффо решил уж пойти на полную откровенность и признался, что «без российских войск королевские (неаполитанские) подвержены будут великой опасности и возможно отступят назад».

В итоге Ушаков снова приказал Скипору и Балабину идти в Рим. 30 сентября (11 октября) 1799 г. в первый раз за историю Рима русские войска вступили в Вечный город. Вот что доносил об этом событии лейтенант Балабин адмиралу Ушакову: «Вчерашнего числа с малым нашим корпусом вошли мы в город Рим. Восторг, с каким нас встретили жители, делает величайшую честь и славу россиянам. От самых ворот св. Иоанна до солдатских

квартир обе стороны улиц были усеяны обывателями обоего пола. Даже с трудом могли проходить наши войска. “Виват Павло примо! Виват москвито!” – было провозглашаемо повсюду с рукоплесканиями. “Вот, – говорили жители, – вот те, кои бьют французов и коих они боятся! Вот наши избавители! Недаром французы спешили отсюда удалиться!” Вообразите себе, ваше высокопревосходительство, какое мнение имеет о нас большая и самая важная часть римлян, и сколь много радости произвела в них столь малая наша команда! Я приметил, что на всех лицах было написано искреннее удовольствие». ⁵⁴

Отряд Скипора и Балабина, пробыв некоторое время в Риме, вернулся к эскадре Ушакова в Неаполь.

2 ноября сдалась крепость Анкона, блокированная с 12 июля русско-турецким отрядом капитана 2-го ранга Войновича. Капитуляция Анконы была подписана австрийским генералом Фрейлихом, который, прибыв к Анконе с корпусом австрийских войск в начале октября и не желая делить успеха осады крепости с русско-турецкими войсками, вступил тайно от русского командования в переговоры с французским комендантом Анконы, предложив ему выгодные условия капитуляции.

По заключенной австрийцами капитуляции французский гарнизон Анконы получил право выступить из крепости со всеми воинскими почестями и отправиться сухим путем во Францию.

Фрейлих после сдачи Анконы отказался допускать русских даже в гавань города. Попытка графа Войновича выставить караулы и поднять русские флаги в гавани чуть было не привела к вооруженному конфликту с австрийцами.

События в Анконе были не случайным эпизодом, а одним из эпизодов политики выдавливания России из Европы, начатой Англией и Австрией в июле – августе 1799 г. Победы Суворова на севере и Ушакова на юге Италии привели к очищению от французов большей части Апеннинского полуострова.

В самой Франции правительство Директории было крайне непопулярно. Ей постоянно приходилось наносить удары то по «левым», то по «правым». Повсеместно циркулировали слухи о контактах «директоров» с лидерами монархистов. Сильные мира сего в Лондоне и Вене были абсолютно уверены, что реставрация Бурбонов произойдет если не в ближайшие дни, то в ближайшие пару месяцев.

⁵⁴ Висковатов А. Военные происшествия в Неаполитанском королевстве 1798 и 1799 гг. СПб.: Славянин, 1828. Ч. V. С. 360–361.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.